E3 7/80
-1905-

E3 7/80

Е3 7/80
812 92/284
Д. 489666.
28 мая 1914 г.
Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. № 292388
193 г.
1272/1
БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖУРНАЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, 11 АПРѢЛЯ 1905 ГОДА (№ 1691).

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 11-го апрѣля 1905 года слушали (ст. 1): докладъ особой комиссіи *о расширеніи курса русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ* министерства народнаго просвѣщенія.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ издалъ 4-го ноября 1903 года циркуляръ по округамъ о предполагаемомъ расширеніи курса русской словесности въ VIII классѣ гимназій и VII дополнительномъ классѣ реальныхъ училищъ. Сущность этого циркуляра заключалась въ слѣдующемъ.

Потребность расширить кругъ произведеній русской изящной словесности, достаточное знакомство съ которыми долженъ выносить изъ средней школы молодой человѣкъ, пріобрѣтающій право на высшее образованіе, ощущалась уже составителями учебныхъ плановъ 1890 года; но съ особою настойчивостью и въ болѣе опредѣленныхъ формахъ мысль о расширеніи круга художественныхъ произведеній, изучаемыхъ въ средней школѣ, проводилась въ послѣдніе годы въ двухъ Высочайше учрежденныхъ комиссіяхъ при нынѣ покойныхъ министрахъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ и П. С. Ванновскомъ; изъ состава послѣдней изъ этихъ двухъ комиссій была выдѣлена подкомиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ нынѣ тоже покойнаго проф. А. И. Кирпичникова; эта подкомиссія проектировала включить въ программу средней школы нѣкоторыя произведенія Тургенева, Гончарова, графа Льва Толстого, Достоевскаго и Островскаго.

Г. министръ, полагая вполнѣ своевременнымъ дать вопросу практическую постановку, предложилъ ученому комитету обсудить, не

представляется ли возможнымъ ввести уже въ наступившемъ учебномъ году (1903/4) въ курсъ 8-хъ классовъ гимназіи и отчасти 7-хъ дополнительныхъ реальнаго училища чтеніе нѣкоторыхъ писателей второй половины XIX вѣка, какъ намѣченныхъ подкомиссіею А. И. Кирпичникова, такъ и другихъ, напр., Тютчева, А. Майкова, графа А. К. Толстого.

При обсужденіи дѣла въ ученомъ комитетѣ высказаны были, между прочимъ, соображенія о полезности изученія въ средней школѣ избранныхъ произведеній русской литературы второй половины XIX вѣка. Кромѣ образовательнаго своего значенія, произведенія эти, входя въ обиходъ средней школы, могли бы быть полезны и въ отношеніи воспитательномъ: курсъ новѣйшей русской литературы могъ бы быть связанъ съ вопросомъ объ обновленіи темъ и такимъ образомъ помочь преподавателямъ въ исполненіи той ихъ сложной воспитательной задачи, которая въ наше время представляетъ все большія затрудненія, но, съ другой стороны, вызываетъ и особыя надежды.

Согласно мнѣнію, заслушанному въ ученомъ комитетѣ, слѣдуетъ однако разграничивать тѣ произведенія новѣйшей художественной литературы, которыя должны войти въ программу класснаго преподаванія, и тѣ, которыя могутъ быть лишь предлагаемы для внѣкласснаго чтенія: гимназистъ старшаго класса можетъ читать и „Войну и Миръ“, и „Мертвый домъ“, но не слѣдуетъ дѣлать предметомъ класснаго разбора творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти. Примѣрный списокъ произведеній указаннаго періода представлялся автору внесеннаго въ ученый комитетъ мнѣнія въ слѣдующемъ видѣ:

I. И. С. Тургеневъ.

1. Записки охотника.
2. Дневникъ лишняго человѣка. Муму. Постоялый дворъ.
3. Рудинъ.
4. Дворянское гнѣздо.
5. Наканунѣ.
6. Рѣчь о Пушкинѣ.
7. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

II. И. А. Гончаровъ.

1. Обыкновенная исторія.
2. Обломовъ.

3. Милліонъ терзаній.
4. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

III. А. Н. Островскій.

1. Гроза.
2. Бѣдность не порокъ.

IV. А. Н. Майковъ.

1. Лирическія пьесы, характеризующія взглядъ поэта на творчество, красоту и искусство.
2. Нѣкоторыя изъ балладъ и пьесъ, приближающихся къ нимъ по характеру.
3. Дурочка Дуня.
4. Три смерти.
5. Два міра.

V. Гр. А. К. Толстой.

1. Избранныя лирическія пьесы („Меня во мракѣ и пыли", „Въ странѣ лучей" и въ этомъ родѣ).
3. Іоаннъ Дамаскинъ.
3. Баллады.
4. Былины (Илья, Алеша, Садко, Чужое горе).

VI. Ѳ. И. Тютчевъ.

Пьесы, характеризующія его, какъ представителя возвышеннаго лирическаго настроенія.

VII. А. А. Фетъ (Шеншинъ).

1. Пьесы, характеризующія взгляды поэта на языкъ и поэзію.
2. Пьесы для характеристики новой, свободно-музыкальной формы монологовъ.

Этотъ списокъ приведенъ былъ въ указанномъ мнѣніи не въ видахъ перенесенія его цѣликомъ въ кругъ новыхъ программныхъ требованій, а лишь съ тою цѣлью, чтобы точнѣе опредѣлить характеръ проектируемаго курса. Въ связи съ намѣченнымъ спискомъ проектировалось и 30 темъ для сочиненій литературнаго характера. Пріурочить названныя въ спискѣ произведенія авторъ мнѣнія полагалъ бы

къ отдѣльнымъ статьямъ курса теоріи словесности, съ необходимымъ, однако, при этомъ ограниченіемъ, въ виду болѣе сложнаго характера новѣйшихъ литературныхъ произведеній.

Желательно бы было также ознакомленіе учениковъ съ избранными страницами русскихъ критиковъ (Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Добролюбова, Страхова и др.).

Ученый комитетъ, всесторонне обсудивъ вопросъ, поставленный г. министромъ, въ связи съ вышеизложенными соображеніями одного изъ своихъ членовъ, остановился прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что намѣченныя занятія по русской словесности ставятся въ соотношеніе съ письменными работами и классными бесѣдами, о необходимости которыхъ говорилось въ циркулярѣ отъ 28-го іюня 1903 г. за № 19744, а вслѣдствіе этого, казалось бы, подлежатъ, наравнѣ съ этими послѣдними, ближайшему обсужденію въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ попечительскихъ совѣтахъ учебныхъ округовъ. Далѣе ученый комитетъ полагалъ, что такой капитальный вопросъ, какъ введеніе въ курсъ словесности въ VIII классѣ гимназій преподаванія новѣйшей русской литературы, не можетъ быть разрѣшенъ надлежащимъ образомъ безъ пересмотра и соотвѣтствующихъ измѣненій въ курсѣ словесности всѣхъ классовъ гимназіи. Ученому комитету казалось бы нежелательнымъ, чтобы вновь проектируемымъ курсомъ вытѣснялись изъ программы VIII класса тѣ свѣдѣнія по всеобщей словесности, которыя рекомендуются учебнымъ планомъ 1890 года. Вообще же, въ виду первостепенной важности поставленнаго на очередь вопроса, ученый комитетъ желалъ бы всесторонняго его разсмотрѣнія и самаго осторожнаго его разрѣшенія. Въ такой постановкѣ, т. е. въ связи съ уже указаннымъ выше воспитательнымъ значеніемъ, которое можетъ получить въ рукахъ учителя новѣйшая русская литература, вопросъ о ея введеніи въ средне-учебный курсъ долженъ быть поставленъ на видное мѣсто при выработкѣ программъ для преобразуемой средней школы.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія т. сов. Зенгеръ передалъ означенный вопросъ, въ связи съ соображеніями и заключеніемъ по оному ученаго комитета, на разсмотрѣніе педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ по округамъ и учебнымъ управленіямъ, рекомендуя гг. попечителямъ при обсужденіи проектируемыхъ измѣненій въ курсѣ не считать нынѣ дѣйствующаго учебнаго плана препятствіемъ, стѣсняющимъ свободу сужденій. Къ сему г. министръ присовокуплялъ, что означенный циркуляръ сообщался въ дополненіе и развитіе цир-

кулярнаго предложенія отъ 28-го іюня 1903 г. за № 19744, и что министерство не встрѣчало бы препятствій къ осуществленію хотя нѣкоторыхъ относящихся сюда начинаній уже во второмъ полугодіи 1903/4 учебнаго года.

Во исполненіе этого министерскаго предложенія въ департаментъ поступили отзывы отъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Кіевскаго, Рижскаго, Одесскаго, Виленскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго; а также Туркестанскаго генералъ-губернатора, главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, окружного инспектора училищъ Приамурскаго края и директора Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ.

Отзывы эти, по мѣрѣ поступленія ихъ въ департаментъ, препровождались въ ученый комитетъ, изъ состава коего для составленія по онымъ доклада выдѣлена была комиссія, въ которую вошли В. В. Сиповскій, И. А. Шляпкинъ и И. Ѳ. Анненскій и предсѣдателемъ которой распоряженіемъ г. предсѣдателя ученаго комитета (отъ 28-го октября 1904 г. за № 2897) назначенъ былъ И. Ѳ. Анненскій.

Г. предсѣдатель ученаго комитета, помимо разсмотрѣнія отзывовъ окружныхъ начальствъ по вышеуказанному вопросу, предложилъ комиссіи заняться составленіемъ проекта программы и объяснительной записки по курсу русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Исполняя возложенное на нее порученіе, комиссія имѣетъ честь представить ученому комитету нижеслѣдующее.

I. По содержанію отзывовъ.

Разсмотрѣвъ и всесторонне обсудивъ отзывы, доставленные изъ департамента народнаго просвѣщенія, комиссія прежде всего постаралась выяснить себѣ, какимъ образомъ ей всего цѣлесообразнѣе воспользоваться предоставленнымъ въ распоряженіе ея матеріаломъ для той непосредственной и чисто практической задачи, которая была поставлена ей г. предсѣдателемъ ученаго комитета. Комиссія старалась, чтобы въ работѣ ея не было оставлено безъ вниманія ни одного детально-мотивированнаго мнѣнія о постановкѣ курса словесности, хотя бы оно являлось и единичнымъ; съ другой стороны, требованіе, настойчиво повторяемое цѣлымъ рядомъ коллегій, если даже оно въ отдѣльныхъ случаяхъ не обосновывается изложеніемъ доводовъ, гово-

рящихъ въ его пользу, комиссія ставила себѣ за правило выдвигать на видное мѣсто не только въ теоретической, но и въ практической части своей работы, иногда независимо отъ личныхъ мнѣній членовъ самой комиссіи.

Министерство въ циркулярѣ своемъ по дѣлу о расширеніи курса русской словесности не расчленило вопроса, поставляемаго имъ на обсужденіе педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ; вслѣдствіе этого комиссіи было очень трудно разобраться въ переданномъ на разсмотрѣніе ея матеріалѣ, тѣмъ болѣе, что, если нѣкоторые попечительскіе совѣты, какъ, напр., Московскій, представили матеріалъ, распредѣленный по отдѣльнымъ вопросамъ, то большинство округовъ доставило лишь сводъ отдѣльныхъ мнѣній педагогическихъ совѣтовъ по гимназіямъ и реальнымъ училищамъ.

Въ количественномъ отношеніи отзывы также весьма различны: напр., Виленскій округъ представилъ всю работу педагогическихъ совѣтовъ, Кіевскій же далъ лишь краткое изъ нея извлеченіе. Кавказскій попечитель приложилъ къ отзыву своему цѣлую книгу; С.-Петербургскій округъ еще не закончилъ своей работы и представилъ только сводъ мнѣній, но, по словамъ г. управляющаго округомъ, группа петербургскихъ учителей русской словесности вырабатываетъ въ настоящее время программу курса русской словесности въ средней школѣ съ объяснительною къ нему запискою.

Представленный матеріалъ разсматривался комиссіею по слѣдующимъ рубрикамъ.

1. Мнѣнія о цѣлесообразности и своевременности внесенія въ программу среднихъ учебныхъ заведеній произведеній художественной литературы второй половины XIX вѣка.

2. Какими именами и произведеніями желательно пополнить примѣрный списокъ произведеній, заслушанный въ ученомъ комитетѣ?

3. Проектируемыя исключенія изъ списка, внесеннаго въ циркуляръ.

4. Проектируемое пріуроченіе вновь вносимыхъ въ курсъ произведеній.

5. Проектируемыя сокращенія въ примѣрной программѣ, нынѣ дѣйствующей.

6. Проекты измѣненій въ учебныхъ планахъ по предмету русской словесности.

7. Вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ въ связи съ расширеніемъ курса русской словесности.

8. Вопросъ о произведеніяхъ западно-европейской литературы въ русскихъ переводахъ, какъ элементѣ курса русской словесности.

I.

Мнѣнія о цѣлесообразности и своевременности внесенія въ программу среднихъ учебныхъ заведеній произведеній художественной литературы второй половины XIX вѣка.

Въ этомъ пунктѣ въ отзывахъ нѣтъ разногласія, по крайней мѣрѣ, принципіально. Почти вездѣ проектированная министерствомъ мѣра привѣтствуется, при чемъ, конечно, большинство дававшихъ отзывъ коллегій находитъ, что этотъ вопросъ долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ общимъ пересмотромъ программы по русской словесности. Напр., ни одинъ изъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій Московскаго округа на вопросъ: возможно ли предполагаемое расширеніе курса при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ существуетъ гимназія въ настоящее время? не далъ отвѣта утвердительнаго.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, признавая съ своей стороны желательнымъ проектированное расширеніе курса, полагаетъ, однако, что „простое прибавленіе изученія писателей новаго періода безъ разсмотрѣнія всего курса предмета и безъ установленія исторически научно-послѣдовательной связи между его отдѣлами, создастъ изъ курса лишь механически связанный сборъ свѣдѣній наименѣе пригодный для средняго учебнаго заведенія, какъ учебно-воспитательный матеріалъ“. Онъ желаетъ, чтобы, помимо обезпеченія необходимыми руководствами или по меньшей мѣрѣ изданіями и пособіями, новый курсъ строился по извѣстному плану и тщательно регламентировался при прохожденіи его въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Еще опредѣленнѣе высказалъ ограничительную точку зрѣнія бывшій преподаватель одного изъ реальныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа: „препятствіемъ для расширенія курса литературы служитъ неподготовленность преподавателей русской словесности къ предстоящей задачѣ и отсутствіе какихъ-нибудь твердо установленныхъ научнымъ изслѣдованіемъ общихъ положеній, почему все дѣло можетъ свестись къ внѣдренію въ головы учащихся различныхъ узкихъ и случайныхъ точекъ зрѣнія“. О неподготовленности преподавателей русской словесности къ предстоящей имъ задачѣ высказался также одинъ изъ преподавателей Юрьевскаго реальнаго училища.

Въ связи съ принципіальнымъ вопросомъ о курсѣ новѣйшей русской литературы надо поставить высказанное попечительскимъ совѣтомъ Одесскаго учебнаго округа „пожеланіе о полезности объявленія конкурса на составленіе учебныхъ руководствъ по исторіи новой русской словесности, хрестоматій и другихъ изданій“ того же характера.

На недостатокъ пособій указывается также въ отзывѣ С.-Петербургскаго округа.

II.

Какими именами и произведеніями желательно пополнить примѣрный списокъ, заслушанный въ ученомъ комитетѣ?

Здѣсь прежде всего надо отмѣтить, что въ значительномъ большинствѣ отзывовъ указывается на желательность внесенія въ списокъ двухъ именъ: гр. Л. Н. Толстого и Достоевскаго.

Съ особой страстностью относится къ этому вопросу проф. Истринъ (Одесскій округъ) и педагогическій совѣтъ Ѳеодосійской гимназіи (Одесскій округъ). Вотъ слова проф. Истрина: „Что касается первой цѣли, то министерскій проектъ программы въ этомъ отношеніи (т. е. относительно знакомства съ литературой) совершенно неудовлетворителенъ (?!), и слѣдуетъ вполнѣ согласиться съ тѣми гимназическими отзывами, которые указываютъ на неудовлетворительность предложенныхъ образцовъ (??!). Какъ можно исключать такихъ (?), какъ Левъ Толстой, Достоевскій или даже (?) Писемскій и замѣнять ихъ (?) Фетомъ, Тютчевымъ, изъ какого-то опасенія знакомства учениковъ съ „твореніями неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей“? (г. Истринъ цитируетъ неправильно: съ циркулярѣ стоитъ „судей нашей совѣсти“). Министерскій проектъ какъ-то позабылъ въ этомъ случаѣ Гоголя (?). Да и неминуемо, у каждаго ученика возникаетъ вопросъ: почему не читаютъ и не разбираютъ Льва Толстого и Достоевскаго, и что на это отвѣтитъ учитель? Ну, Левъ Толстой отлученъ отъ церкви, а Достоевскій? Вѣдь, онъ самый вѣрующій писатель. Кромѣ того, при настоящихъ условіяхъ жизни школа является не единственнымъ мѣстомъ образованія юношества. Въ настоящее время на развитіе юношества сильно дѣйствуетъ само общество, въ лицѣ (?) журналовъ, газетъ и т. п., и школа поэтому должна принимать характеръ охранительнаго учрежденія. Но эту роль она выполнитъ не тогда, когда она будетъ молча исключать (?) того или другого первокласс-

снаго писателя, а тогда, когда поверхностному внѣ-школьному увлеченію Чеховымъ, Горькимъ и т. п. будетъ противопоставлять нашихъ первоклассныхъ писателей, не боясь того или другого (?)".

На той же приблизительно точкѣ зрѣнія стоитъ и педагогическій совѣтъ Ѳеодосійской гимназіи: „что скажетъ ученикъ?" Мы хорошо понимаемъ, что здѣсь имѣется въ виду не справка съ мнѣніемъ учениковъ, при необходимости дѣлать каковыя едва-ли бы могла существовать не только программа, но даже и самая школа. Вмѣсто „скажетъ" надо читать: „подумаетъ". Но рѣчь не о словахъ и не о страстности тона, которая легко объяснима, рѣчь даже не о неточности въ цитатахъ или переиначеніи мнѣнія, изложеннаго въ циркулярѣ,—рѣчь о томъ лишь, чтобы не давать школѣ того слишкомъ труднаго для нея матеріала, гдѣ учитель рискуетъ очутиться не на высотѣ своего положенія. Намъ неизвѣстно, чтобы университетскіе преподаватели подготовляли почву для того дѣла, которое теперь одинъ изъ нихъ горячо рекомендуетъ гимназіямъ,—вотъ отчего въ вопросѣ о средней школѣ практическимъ ея дѣятелямъ, казалось, на первый разъ осторожнѣе ограничиться введеніемъ въ курсъ лишь такихъ произведеній, которыя, не отвлекая вниманія исключительно въ сферу моральныхъ и часто при этомъ безнадежныхъ вопросовъ, дали бы учителю возможность освѣтить произведеніе со стороны литературной и чисто художественной.

Впрочемъ, это соображеніе приводится лишь въ видахъ возстановленія истинной причины невключенія въ примѣрную программу именъ Достоевскаго и Льва Толстого.

Большая часть отзывовъ заключаетъ въ себѣ желаніе видѣть въ примѣрномъ спискѣ нѣкоторыя произведенія Льва Толстого и Достоевскаго.

Такъ, въ отзывахъ Одесскаго округа указывается только на внесеніе именъ Л. Толстого и Достоевскаго; въ С.-Петербургскомъ округѣ проектируютъ введеніе слѣдующихъ произведеній Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ".

Въ Московскомъ округѣ — Л. Толстого — тѣ же произведенія; Достоевскаго — „Бѣдные люди", „Записки изъ Мертваго дома", „Униженные и оскорбленные".

Въ Рижскомъ округѣ высказываются за Л. Толстого („Дѣтство и Отрочество" и „Война и Миръ") и Достоевскаго („Бѣдные люди", „Рѣчь о Пушкинѣ").

Въ Казанскомъ округѣ—Достоевскаго: „Бѣдные люди", „Записки

изъ Мертваго дома", Преступленіе и наказаніе", Л. Толстого: „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ".

Въ Харьковскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Казаки", „Севастопольскіе разсказы", „Семейное счастье", „Война и Миръ".

Въ Виленскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство, Отрочество и Юность", „Севастопольскіе разсказы"; Достоевскаго—„Бѣдные люди", „Двойникъ", „Рѣчь о Пушкинѣ".

Въ Кіевскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ", „Казаки"; Достоевскаго: „Мертвый домъ", „Преступленіе и наказаніе".

Въ Оренбургскомъ округѣ—Л. Толстого: „Дѣтство и Отрочество", „Война и Миръ"; Достоевскаго—„Бѣдные люди".

Въ Западно-Сибирскомъ округѣ: Л. Толстого—„Война и Миръ"; Достоевскаго—„Записки изъ Мертваго дома".

Въ отзывѣ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири—Л. Толстого—„Дѣтство и Отрочество", „Севастопольскіе разсказы", „Война и Миръ" и Достоевскаго—общій очеркъ литературной дѣятельности.

Въ отзывѣ туркестанскаго генералъ-губернатора: Льва Толстого и Достоевскаго нѣкоторыя произведенія.

Въ отзывѣ окружного инспектора училищъ Приамурскаго края—то же.

Въ отзывѣ Императорскаго С.-Петербургскаго филологическаго института: Льва Толстого: „Война и Миръ", „Дѣтство, отрочество и юность", „Казаки"; Достоевскаго: „Бѣдные люди", „Двойникъ", „Записки изъ Мертваго дома". Съ мнѣніемъ конференціи не согласился директоръ этого учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ почти во всѣхъ отзывахъ встрѣчаемъ имена Льва Толстого и Достоевскаго и названія почти однихъ и тѣхъ же произведеній этихъ писателей. Не всегда только отзывы даютъ возможность опредѣлить, всѣ ли учебныя заведенія даннаго округа или управленія придерживались этой точки зрѣнія: иногда объ этомъ говорили только нѣкоторые педагогическіе совѣты (напр., въ Московскомъ округѣ); иногда, повидимому, всѣ. Въ отзывѣ Петербургскаго округа отмѣчается „пробѣлъ" въ министерскомъ проектѣ—терминъ для даннаго случая невполнѣ точный.

Въ Харьковскомъ округѣ проектъ внесенія произведеній Л. Толстого въ программу вошелъ въ постановленіе попечительскаго совѣта,

между тѣмъ какъ въ Казанскомъ—ректоръ университета уклонился даже отъ подачи голоса при обсужденіи мнѣнія члена попечительскаго совѣта Д. А. Корсакова о внесеніи въ примѣрный списокъ нѣкоторыхъ произведеній автора „Войны и Миръ“, такъ какъ онъ полагалъ, что министерство предложило совѣту высказаться только по поводу писателей, внесенныхъ въ перечень.

Какъ бы то ни было, для комиссіи является несомнѣннымъ, что въ разныхъ краяхъ Россіи различныя компетентныя лица и въ томъ числѣ практическіе педагоги и цѣлыя корпораціи находятъ желательнымъ и не превышающимъ преподавательскихъ силъ разборъ въ классѣ нѣкоторыхъ произведеній Л. Толстого и Достоевскаго.

Имя Некрасова встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ отзывахъ округовъ: Казанскаго, Московскаго („Мазай и зайцы“, „Власъ“), Рижскаго, Кіевскаго, Западно-Сибирскаго, Харьковскаго, С.-Петербургскаго, Одесскаго, Туркестанскаго генералъ-губернатора и Историко-филологическаго института (директоръ не согласился съ мнѣніемъ конференціи). При этомъ иногда въ отзывѣ отмѣчаются и произведенія: такъ въ одномъ изъ харьковскихъ: „Школьникъ“, „Власъ“, „Морозъ-красный носъ“, „Тишина“, „Внимая ужасамъ войны“; въ одномъ изъ казанскихъ: „Морозъ-красный носъ“, „Крестьянскія дѣти“.

На пропускъ имени С. Т. Аксакова указываетъ попечитель Виленскаго учебнаго округа и попечительскій совѣтъ Западно-Сибирскаго округа; объ его сочиненіяхъ упоминается въ отзывѣ Рижскаго округа, Казанскаго округа („Дѣтскіе годы Багрова внука“, „Семейная хроника“, „Воспоминанія“), Московскаго округа („Дѣтскіе годы Багрова внука“), округовъ Харьковскаго, Петербургскаго и Одесскаго, Туркестанскаго генералъ-губернатора и главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

Имя Д. В. Григоровича встрѣчаемъ въ отзывахъ по округамъ: Харьковскому („Антонъ Горемыка“, „Деревня“, „Бобыль“, „Прохожій“, „Рыбаки“, „Переселенцы“); Одесскому, Виленскому („Антонъ Горемыка“), Московскому („Антонъ Горемыка“, „Деревня“, „Рыбаки“), Казанскому („Пахарь“, „Рыбаки“), Рижскому („Антонъ Горемыка“, „Переселенцы“), Кавказскому („Антонъ Горемыка“), и въ отзывѣ туркестанскаго генералъ-губернатора.

Имя А. Ѳ. Писемскаго вносится въ списокъ желательныхъ въ отзывахъ Одесскаго округа, Харьковскаго округа и въ отзывѣ Историко-филологическаго института („Тысяча душъ“).

Видѣть въ спискѣ классиковъ Я. П. Полонскаго желалъ бы попечительскій совѣтъ Западно-Сибирскаго округа; имя это упоминается и въ отзывѣ Кіевскаго округа, въ отзывѣ Одесскаго округа, среди отзывовъ Харьковскаго.

Имя И. С. Никитина встрѣчаемъ въ отзывахъ округовъ Харьковскаго, Одесскаго, Западно-Сибирскаго, Казанскаго. Поэтовъ славянофиловъ хотѣлъ бы видѣть въ программѣ г. попечитель Виленскаго учебнаго округа; А. С. Хомякова отзывы Одесскаго, Харьковскаго и Рижскаго округовъ. Кромѣ того, послѣдній желалъ бы ознакомленія учениковъ съ дѣятельностью славянофиловъ.

Встрѣчаются изрѣдка имена Загоскина (Виленскій округъ), Мея („Псковитянка"—Казанскій округъ), В. Г. Короленки (Московскій округъ), Мельникова („Въ лѣсахъ", „На горахъ"—Московскій округъ; Харьковскій округъ—не называя произведеній), Щербины, Чернышевскаго, Писарева, Герцена (Одесскій округъ).

Въ нѣкоторыхъ округахъ предлагаютъ расширить кругъ произведеній внесенныхъ въ списокъ авторовъ: А. Н. Островскаго—Харьковскій округъ: „Лѣсъ", „Не въ свои сани не садись", „Свои люди—сочтемся"; Кіевскій округъ—„Доходное мѣсто"; Кавказскій—„Свои люди—сочтемся", „Не въ свои сани не садись", „Доходное мѣсто", „Въ чужомъ пиру—похмелье"; Рижскій—„Свои люди—сочтемся"; Казанскій—„Доходное мѣсто", „Свои люди—сочтемся", „Въ чужомъ пиру—похмелье"; Московскій—6 пьесъ.

Изъ произведеній А. Толстого хотѣли бы внесенія въ списокъ трилогіи въ округахъ Московскомъ, Казанскомъ, Рижскомъ, Кавказскомъ, Харьковскомъ; о Князѣ Серебряномъ читаемъ въ отзывахъ округовъ Виленскаго, Рижскаго и Московскаго; отдѣльныя драмы трилогіи (Царь Борисъ, Смерть Іоанна Грознаго) рекомендуются отзывами Казанскаго округа. Изрѣдка встрѣчаются И. С. Тургенева—„Стихотворенія въ прозѣ" (Кавказскій округъ), „Отцы и дѣти" (Казанскій, Московскій и Кіевскій округа) и И. А. Гончарова—„Обрывъ" (Кіевскій и Московскій округа), „Фрегатъ Паллада" (Московскій, Казанскій, Кавказскій округа), „Слуги" (Московскій округъ).

III.

Проектируемыя исключенія изъ списка, внесеннаго въ циркуляръ.

Менѣе всего посчастливилось въ спискѣ Фету, котораго предлагаютъ исключить изъ примѣрнаго списка въ округахъ С.-Петербург-

скомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ, Оренбургскомъ и Кавказскомъ [1]).

Пожертвовать поэзіей Тютчева тоже готовы въ округахъ: Кіевскомъ, Московскомъ, Одесскомъ, Оренбургскомъ, Кавказскомъ [1]); хотя въ Харьковскомъ же округѣ было высказано мнѣніе, что для новѣйшей литературы въ гимназіи достаточно трехъ именъ: Тургенева, Гончарова и Тютчева.

Противъ Майкова высказались въ округахъ: Одесскомъ, Московскомъ и Оренбургскомъ; А. Толстого въ Московскомъ. Отдѣльныя произведенія исключаютъ:

Тургенева: „Наканунѣ“—С.-Петербургскій и Виленскій округа.

„Постоялый дворъ“, „Дневникъ лишняго человѣка“, „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“—Московскій округъ.

Гончарова: „Обыкновенная исторія“—С.-Петербургскій и Виленскій округа.

Майкова: „Три смерти“—одна изъ гимназій Виленскаго округа.

„Послѣдніе язычники“—въ Казанскомъ округѣ.

А. Толстого: Баллада и былины („Волки“, „Чужое горе“, „Алеша Поповичъ“)—Приамурскій край.

„Волки“ и „Эдвардъ“—Казанскій округъ.

„Василій Шибановъ“—въ Виленскомъ округѣ.

IV.

Проектируемое пріуроченіе вновь вносимыхъ въ курсъ произведеній.

На неудобство пріурочивать вновь вносимыя произведенія къ курсу теоріи словесности и на желательность освѣщать ихъ исторически обращено вниманіе въ запискѣ С.-Петербургскаго округа, гдѣ мы, между прочимъ, читаемъ:

„считая весьма важнымъ для лучшаго достиженія образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей, чтобы ученики, насколько позволяетъ современное состояніе науки, понимали связь литературныхъ явленій и ихъ отношеніе къ личности автора и къ современной имъ дѣйствительности и такимъ образомъ уяснили бы себѣ и значеніе дѣятельности того или другого писателя и развитіе національнаго самосознанія, большинство учебныхъ заведеній выражаетъ желаніе, чтобы всѣ произведенія русской литературы изучали бы исторически, и чтобы

[1]) Съ ограниченіемъ.

курсъ новѣйшей литературы былъ поставленъ въ мужскихъ гимназіяхъ самостоятельно, какъ естественное продолженіе курса VII класса".

Въ такомъ же самомъ смыслѣ высказываются педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ изъ гимназій Казанскаго округа. Нѣкоторые изъ преподавателей Кіевскаго округа ставятъ историческое изученіе произведеній новѣйшей литературы въ ближайшую связь съ нравственнымъ воздѣйствіемъ на учащихся, а совѣтъ одной изъ Московскихъ гимназій (противъ пріуроченія къ курсу теоріи высказалось 17 гимназическихъ совѣтовъ изъ 27) думаетъ даже, что „только подъ условіемъ историческаго освѣщенія уяснится ученикамъ и художественное достоинство произведеній, такъ какъ однимъ изъ основныхъ требованій, предъявляемыхъ въ современной наукѣ художественному произведенію, является соотвѣтствіе произведенія запросамъ того историческаго момента, который переживаетъ общество".

На неудобство пріуроченія вновь проектированныхъ произведеній къ курсу теоріи словесности указываетъ и попечительскій совѣтъ Харьковскаго учебнаго округа.

Попечительскій совѣтъ Рижскаго округа желалъ бы видѣть въ курсѣ VII и VIII класса гимназіи систематическое знакомство съ главнѣйшими представителями русской литературы въ ея историческомъ развитіи.

Комиссія Одесскаго попечительскаго совѣта высказалась противъ пріуроченія новѣйшихъ произведеній къ курсу теоріи словесности, „такъ какъ: 1) отъ такой постановки преподаваніе, по ея мнѣнію, получается случайное, внѣ исторической перспективы ни къ чему не ведущее изученіе курса, не могущее служить ни цѣлямъ историко-литературнымъ, ни этическимъ"—и такъ какъ 2) „достоинство писателей—классиковъ второй половины XIX столѣтія (Тургеневъ, Гончаровъ и Островскій) требуютъ того, чтобы въ курсѣ средней школы они занимали мѣсто вполнѣ самостоятельное и не менѣе важное, чѣмъ то, которое отведено уже писателямъ начала XIX вѣка, въ числѣ которыхъ имѣется даже Батюшковъ".

О значеніи историко-литературныхъ обобщеній при разборѣ произведеній новѣйшей русской литературы съ большою подробностью и обстоятельностью говоритъ преподаватель Слуцкой гимназіи (Виленскаго округа) г. Лысковъ. Онъ отмѣчаетъ различныя направленія въ русской литературѣ и ея особенности со стороны содержанія и формы: какъ то—направленіе западническаго идеализма, національстическое и др.; формы романа—субъективную и объективную, и при этомъ

иллюстрируетъ свои рубрики именами выдающихся русскихъ писателей. Въ концѣ своей записки онъ предлагаетъ даже цѣлую программу курса новѣйшей русской литературы, начиная съ Гоголя.

Защита точки зрѣнія теоретической идетъ со стороны 10 педагогическихъ совѣтовъ гимназій Московскаго округа. Изъ мнѣній ихъ можно привести слѣдующія данныя въ пользу изученія новѣйшей литературы на основѣ теоретическаго курса.

1. Курсъ теоріи словесности въ VIII классѣ есть какъ бы завершеніе всѣхъ литературныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ учениками въ гимназіи.

2. Въ отдѣлѣ теоріи творчества не исключаются вопросы и о связи произведенія какъ съ личностью писателя, такъ и съ историческимъ моментомъ, переживаемымъ обществомъ.

3. Есть такія произведенія различныхъ авторовъ, которыя плодотворнѣе будетъ прочесть и анализировать рядомъ, несмотря на принадлежность ихъ перу разныхъ писателей, таковы, напримѣръ, лирическія произведенія, имѣющія своимъ сюжетомъ вопросъ о художественномъ творчествѣ. Издавна установлено сближать стихотворенія Пушкина „Пророкъ“ съ стихотвореніемъ того же названія Лермонтова. Никто не видѣлъ въ этомъ безпорядка и пестроты. Теперь съ расширеніемъ курса русской словесности возможно къ параллелямъ между Пушкинымъ и Лермонтовымъ присоединить еще параллели изъ Майкова, А. Толстого, Тютчева, Фета.

4. Эстетическіе вопросы только тогда не интересуютъ молодыхъ людей, когда они рѣшаются отвлеченно и туманно; напротивъ, если связать ихъ съ анализомъ содержанія произведенія, то бесѣды по поводу ихъ будутъ полны самаго живого интереса.

Вѣскія соображенія въ пользу теоретической основы курса находимъ мы въ отзывѣ Кавказскаго округа.

1. „Распредѣленіе матеріала въ теоретическомъ порядкѣ болѣе соотвѣтствуетъ послѣдующему психическому развитію учащихся, чѣмъ изученіе въ порядкѣ историческомъ“.

2. „Школа, не будучи связана исторической послѣдовательностью, получаетъ большую возможность при выборѣ матеріала руководствоваться, главнымъ образомъ, нравственно-воспитательной цѣнностью произведенія, доступностью его возрасту учащагося и соотвѣтствіемъ духовнымъ его запросамъ, ограничивая выборъ образцами, отличающимися яснымъ изображеніемъ положительныхъ нравственныхъ и національныхъ идеаловъ“.

Отчасти къ оправданію теоретической точки зрѣнія при изученіи произведеній новѣйшей русской литературы примыкаетъ и весьма интересная записка инспектирующаго преподавателя русскаго языка и словесности въ Моршанскомъ реальномъ училищѣ (Харьковскаго учебнаго округа) г. Пактовскаго.

По его мнѣнію, надо измѣнить существующій методъ изученія русской словесности, сдѣлавъ его психологическимъ. „По моему крайнему разумѣнію“, говоритъ г. Пактовскій, „полезно бы было начинать изученіе произведеній словесности съ болѣе легкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ лучшихъ въ художественномъ отношеніи произведеній словесности, напримѣръ, начать со сказки Пушкина и окончить критическими статьями лучшихъ мыслителей, или начать съ баллады Лермонтова, а окончить поэзіей Байрона и т. д. При такомъ методѣ учащіеся всегда будутъ находиться подъ вліяніемъ художественнаго слова,—медленно, но основательно впитаютъ въ себя великія мысли родныхъ и чужихъ (по происхожденію) писателей, умственное развитіе пойдетъ естественнымъ путемъ: отъ образовъ и художественныхъ картинъ ученикъ постепенно перейдетъ къ сужденіямъ и разсужденіямъ, отъ анализа къ синтезу и наоборотъ, и въ то же время его учителями родного языка будутъ великіе художники слова, а не курсы грамматикъ только“.

Впрочемъ, такое изученіе г. Пактовскій проектируетъ лишь до VII класса. Въ двухъ старшихъ онъ имѣетъ въ виду историко-литературный разборъ и обобщеніе знаній, курсъ всеобщей литературы и даже изученіе исторіи русскаго языка по памятникамъ.

Обозрѣвая данныя, собранныя по вопросу о пріуроченіи новыхъ произведеній русской литературы, и соображая ихъ съ обстоятельствами дѣла,—комиссія, оставаясь на точкѣ зрѣнія строго-объективной, полагаетъ, что желательно историческое освѣщеніе избранныхъ памятниковъ новѣйшей литературы, но что при разборѣ въ особенности нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо объяснять ихъ и со стороны эстетической, по отношенію къ художественной ихъ цѣнности, и что при курсѣ теоріи словесности должно пользоваться данными, добытыми изъ эстетическаго разбора; задачи же сравненія между собою произведеній, не связанныхъ хронологически или даже по языку творчества, но объединенныхъ идеей или психологическимъ мотивомъ, могутъ быть связаны, по преимуществу, съ сочиненіями учениковъ старшихъ классовъ или внѣклассными бесѣдами. Говорить объ исторіи русской литературы въ гимназіи, особенно новѣйшей, да

еще со включеніемъ въ нее живыхъ писателей, можно только по недоразумѣнію.

V.

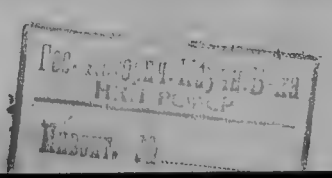
Проектируемыя сокращенія въ примѣрной программѣ, нынѣ дѣйствующей.

Нѣкоторые изъ педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ проектируютъ, въ виду внесенія въ курсъ новаго обширнаго матеріала по русской литературѣ второй половины XIX вѣка и необходимости поставить новый курсъ на подобающее ему по важности его мѣсто,— сократить матеріалъ по русской литературѣ особенно до-Карамзинской. Есть также коллегіальныя мнѣнія о полезности сокращенія курса теоріи словесности, о прохожденіи его попутно, при разборѣ образцовъ, и даже о цѣлесообразности свести этотъ курсъ къ ознакомленію учащихся съ теоріей стиля.

По отдѣльнымъ учебнымъ управленіямъ замѣчено было.

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ: „Сократить въ учебныхъ планахъ число изучаемыхъ произведеній древней литературы и исключить ознакомленіе съ дѣятельностью нѣкоторыхъ писателей средняго періода нашей литературы (до Пушкина) и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Пушкина. При сокращеніи древней литературы часть курса предлагается пройти въ видѣ краткаго обзора, вводя отрывки изъ произведеній лишь какъ иллюстраціи и подтвержденія указываемаго въ немъ. Въ такомъ видѣ могло бы быть пройдено о началѣ письменности, о духовной литературѣ древняго періода (проповѣди, хожденія), о произведеніяхъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, Котошихина и о юго-западной образованности; о дѣятельности Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Посошкова, Татищева, Сумарокова, Хераскова, о ложно-классицизмѣ на западѣ, о вліяніи западныхъ идей въ эпоху Екатерины II; о сентиментализмѣ и романтизмѣ на западѣ; затѣмъ—о литературной дѣятельности Батюшкова. О произведеніяхъ и дѣятельности Озерова, Богдановича, Капниста, Хемницера, Дельвига, Языкова и Баратынскаго можно бы и совсѣмъ умолчать“.

Не совсѣмъ ясно, стоитъ ли въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ изложенному мнѣнію желаніе педагогическихъ совѣтовъ того же округа о необходимости „Дешевой хрестоматіи съ хорошимъ выборомъ произведеній русской народной словесности и литературы до Пушкина“ (изданію каковой еще въ 1903 году предлагалъ содѣй-



ствовать академикъ и профессоръ университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Соболевскій).

По поводу списка авторовъ, подлежащихъ исключенію, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыхъ изъ нихъ въ учебныхъ планахъ 1890 г. нѣтъ вовсе, а именно: Капниста, Дельвига, Языкова и Баратынскаго, такъ что гимназическій курсъ не облегчился бы отъ проектированнаго сокращенія.

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа желалъ бы сокращенія программы въ той ея части, которая обнимаетъ древнюю словесность и писателей XVIII вѣка.

Педагогическіе совѣты того же округа признаютъ желательнымъ, чтобы произведенія древней письменности, не имѣющія художественнаго значенія и представляющія интересъ болѣе историческій, по возможности были изъяты изъ курса словесности. Они же проектируютъ удаленіе изъ программы: Хераскова, Богдановича, Озерова и Сумарокова.

Въ Кавказскомъ округѣ проектируется опустить въ курсѣ гимназій, на сколько можно видѣть, сравнивая предлагаемую программу съ учебнымъ планомъ: проповѣдническую литературу, „Хожденіе“, „Моленіе Даніила“, „Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, Котошихина, Ст. Яворскаго, Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Хемницера, Дмитріева, Озерова.

Относительно реальныхъ училищъ сокращенія формулированы въ отзывѣ.

1. „Народная словесность: заговоры, или заклятья и похоронныя причитанья, духовные стихи.

2. Древній періодъ словесности: Сборники, митрополитъ Иларіонъ; Кириллъ Туровскій; игуменъ Даніилъ; Серапіонъ; житія святыхъ; апокрифы; повѣсти; путешествіе Аѳанасія Никитина; юго-западная литература.

3. Новый періодъ словесности: Сумароковъ, литературная дѣятельность Екатерины II; сатирическіе журналы.

„Попечительскій совѣтъ затруднился, однако, высказаться категорически въ пользу такой мѣры, такъ какъ она, значительно сокративъ древній періодъ литературы, серьезно повредила бы развитію у учениковъ-реалистовъ историческаго пониманія литературныхъ явленій“.

Нѣкоторыя изъ гимназій Кіевскаго округа высказались за сокращеніе курса древняго и средняго періода русской литературы.

Максимумъ сокращеній сводится къ слѣдующему:

а) изъ курса 5-го класса чтеніе и разборъ:

1. Слова митрополита Иларіона о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ.

2. Отрывковъ изъ „Слова въ новую недѣлю по Пасхѣ“, Кирилла Туровскаго.

3. Отрывковъ изъ „Хожденія игумена Даніила въ Святую землю“.

и 4. Отрывковъ изъ слова Серапіона „О нашествіи татаръ“ и изъ „Слова или Моленія Даніила Заточника“;

б) изъ курса 6-го класса чтеніе и разборъ:

1. Отрывковъ изъ „Исторіи“ князя Курбскаго.

2. Посланія Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

3. Отрывка изъ сочиненія Гр. Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

4. Слова Стефана Яворскаго „О побѣдѣ подъ Полтавою“.

5. Отрывковъ изъ словъ Ѳеофана Прокоповича „О флотѣ Россійскомъ“ и „На погребеніе Петра I“.

6. Отрывковъ изъ „Исторіи Россійской“ Вас. Ник. Татищева и его же „Духовнаго завѣщанія сыну“.

7. „Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ“ М. В. Ломоносова и его же „Похвальнаго слова Петру I“.

8. Отрывковъ изъ поэмъ М. М. Хераскова „Россіада“ и И. Ѳ. Богдановича „Душенька“.

9. Басенъ И. И. Хемницера.

и 10. Нѣкоторыхъ одъ Г. Р. Державина.

в) Изъ курса 7-го класса чтеніе и разборъ:

1. Отрывковъ изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина, какъ произведенія, трудно поддающагося разбору только съ художественной точки зрѣнія.

2. Сатиры И. И. Дмитріева „Чужой толкъ“.

3. Отрывковъ изъ трагедій В. А. Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“ или „Дмитрій Донской“, и

4. Слѣдующихъ произведеній К. Н. Батюшкова: оды „Надежда“, элегій „Посланіе къ Д. В. Дашкову“ и „Умирающій Тассъ“.

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго учебнаго округа полагалъ бы необходимымъ ограничить курсъ древней русской словесности „въ средне-учебныхъ заведеніяхъ только главнѣйшими памятниками“.

Нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа предлагаютъ значительно сократить курсъ древне-русской литературы.

Попечительскій совѣтъ Казанскаго округа предполагалъ бы также

сократить программу по древней литературѣ, „исключивъ изъ оной такихъ, напримѣръ, писателей, какъ Иларіонъ, Серапіонъ, Кириллъ Туровскій, игуменъ Данішлъ и пр.“. Отдѣльныя учебныя заведенія этого округа предлагаютъ оставить въ немъ лишь 3—4 произведенія; проекты сокращеній касаются именъ Ѳеофана Прокоповича, Татищева, Сумарокова, Хемницера, Богдановича и т. д.

Въ Одесскомъ округѣ тоже проектируется нѣкоторыми учебными заведеніями сокращеніе курса древне-русской литературы, а въ Виленскомъ—сокращеніе числа образцовъ V—VI классовъ. Такого же рода сокращенія намѣчаются и въ нѣкоторыхъ отзывахъ Рижскаго округа.

Въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ попечительскій совѣтъ согласился съ мнѣніемъ докладчика, окружного инспектора А. В. Попова, который, въ согласіи съ мнѣніями нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ педагогическихъ совѣтовъ, проектировалъ значительное сокращеніе образцовъ, нынѣ изучаемыхъ въ V и VI классахъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы „поручить преподавателю исторіи знакомить воспитанниковъ на своихъ урокахъ съ памятниками древней литературы, изучаемыми нынѣ на урокахъ словесности, освѣщая эти памятники съ культурно-исторической точки зрѣнія“.

Нѣчто подобное предлагаетъ и комитетъ при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ: „сократить курсъ древней словесности, относя знакомство съ духовными писателями къ курсу церковной исторіи, а съ историческими памятниками—къ курсу русской исторіи“.

Съ совершенно подобнымъ мнѣніемъ встрѣчаемся мы и въ отзывѣ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

Нѣкоторыя гимназіи Московскаго округа высказались въ томъ же смыслѣ.

Въ противовѣсъ изобилію отзывовъ съ проектомъ сократить курсъ старой русской литературы можно поставить два мнѣнія:

Кіевской 1-й гимназіи и Ахтырской гимназіи (Харьковскаго округа).

„Педагогическій совѣтъ Кіевской 1-й гимназіи настаиваетъ на сохраненіи и даже нѣкоторомъ расширеніи древней литературы, опасаясь, что въ противномъ случаѣ сообщаемыя свѣдѣнія будутъ безпочвенныя, и потому ученики пріобрѣтутъ знанія поверхностныя, что вредно не только въ учебномъ, но и въ воспитательномъ отношеніи“.

Педагогическій совѣтъ Ахтырской гимназіи проектировалъ, чтобы въ курсъ V класса гимназіи, за выключеніемъ изъ него курса устной народной словесности, вошли бы дополнительно слѣдующія произве-

денія: Переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ. Стоглавъ. Четьи Минеи. Максимъ Грекъ. Симеонъ Полоцкій. Крижаничъ. Повѣсть о горѣ-злосчастіи. Посошковъ. Екатерина II. Новиковъ. Тредьяковскій. Княжнинъ. Капнистъ. Аблесимовъ. Нелединскій-Мелецкій. Сатирическіе журналы екатерининской эпохи.

Въ VI классѣ дополнительно проектируются Гнѣдичъ и Мерзляковъ.

Въ заключеніе вопроса о сокращеніи литературнаго курса, обнимающаго словесность нашу до Пушкина, комиссія останавливается на словахъ изъ отзыва проф. Истрина, которыя представляются ей хорошо освѣщающими дѣло:

„Сокращеніе надо дѣлать осмотрительно. И въ современныхъ учебникахъ русская литература до Петра представляется какъ нѣчто безсвязное, эпизодическое, тѣмъ болѣе она представится такою, если ее сократить, какъ рекомендуютъ гимназіи. Въ такомъ случаѣ лучше ее совсѣмъ выбросить, такъ какъ иначе получается совсѣмъ невѣрное представленіе объ исторіи древне-русской письменности. Здѣсь нѣтъ возможности изложить „исторію“ древне-русской литературы; но я могу утверждать, что и древне-русская литература развилась исторически, въ строгой связи съ дѣйствительностью, и ея направленія могутъ быть прослѣжены съ большей или меньшей ясностью. Къ сожалѣнію, настоящимъ (?) преподавателямъ не откуда почерпнуть такое представленіе о до-петровскомъ періодѣ. Конечно, я не могу не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что чтеніе въ подлинникахъ древне-русскихъ проповѣдей не всегда приводитъ къ желательной цѣли, и предпочелъ бы имѣть хорошо и научно написанную исторію древне-русской литературы (въ видѣ учебника), которую ученики могли бы изучить, нежели прочитать нѣсколько безсвязныхъ и не характерныхъ отрывковъ въ дополненіе къ тѣмъ невѣрнымъ и въ большинствѣ случаевъ отсталымъ замѣчаніямъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ нашихъ современныхъ учебникахъ. Это единственный исходъ изъ настоящаго положенія“.

Въ дѣйствительности, нельзя бы было понять столь единодушныхъ и повсемѣстныхъ проектовъ компетентныхъ лицъ пожертвовать значительною частью нынѣшняго средне-учебнаго курса, если бы рѣчь шла объ устраненіи познанія истинной основы нашей блестящей литературы. Но то изученіе образцовъ нашей древней и средней литературы, которымъ теперь еще занимаютъ вниманіе учениковъ средней школы, никакъ не можетъ назваться оправдавшимъ возлагавшіяся

на него 15 лѣтъ тому назадъ надежды. Произведенія древней нашей письменности, которыя могутъ быть поняты и оцѣнены лишь въ историческомъ освѣщеніи, предписано изучать лишь сами по себѣ, безъ отношенія къ эпохѣ, на чтеніи и разборѣ образцовъ. Не говоря уже о недостаточныхъ познаніяхъ учениковъ V класса въ языкахъ древне-русскомъ и древне-церковно-славянскомъ, поверхностное знакомство съ нѣсколькими произведеніями, притомъ частью въ незначительныхъ отрывкахъ, не даетъ понятія о ходѣ древней русской литературы, а слѣдовательно и почти ничего не освѣщаетъ для учащихся въ тѣхъ позднѣйшихъ литературныхъ эпохахъ, которыя въ средне-учебномъ курсѣ проходятся путемъ разбора болѣе доступныхъ ученикамъ произведеній словесности. Комиссія полагаетъ, что курсъ исторіи русской литературы совершенно необходимъ для того, чтобы на основѣ его учащіеся могли плодотворно заняться болѣе детальнымъ ознакомленіемъ съ важнѣйшими произведеніями нашей старой словесности.

Раздѣленіе памятниковъ древней нашей письменности между курсами исторіи и Закона Божія не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ пострадали бы изученіе самой словесности и оцѣнка литературнаго значенія памятника и, сверхъ того, была бы нарушена связь между древнимъ и новымъ періодомъ литературы, или же у учениковъ составилось бы ложное представленіе о томъ, что до-Петровская Русь жила столь незначительными по литературной своей цѣнности произведеніями, что ихъ можно разсматривать лишь мимоходомъ, по поводу историческихъ событій или характеристики эпохи. Прохожденіе нѣкоторыхъ отдѣловъ словеснаго курса на урокахъ Закона Божія затруднялось бы также обученіемъ въ нашихъ среднихъ школахъ иновѣрцевъ.

Вопросъ о необходимости экономить время и соотвѣтственно сокращать курсъ русской словесности въ гимназіяхъ падаетъ самъ собой, въ виду того, что ослабленіе требованій по классическимъ языкамъ уже теперь, еще до окончательнаго осуществленія новаго учебнаго плана, позволяетъ разсчитывать на большее число уроковъ по русскому языку и словесности, особенно въ старшихъ классахъ: слѣдовательно, гимназіи, которыя руководились въ своихъ сужденіяхъ о помѣщеніи въ программу новаго курса исключительно прежними рамками, проектировали сокращенія свои напрасно.

Кромѣ отдѣльныхъ произведеній литературы древняго и средняго періода, весьма часто встрѣчаются въ отзывахъ проекты сокращенія

курса теоріи словесности: ее предлагаютъ проходить попутно при чтеніи произведеній, или перенести въ V классъ, или даже уничтожить вовсе, какъ отдѣльный курсъ.

Въ С.-Петербургскомъ округѣ „прохожденіе въ VIII классѣ самостоятельнаго курса теоріи словесности предлагается отмѣнить не только въ виду необходимости выиграть время для изученія произведеній новѣйшей литературы, но и въ виду теоретической и практической несостоятельности этого курса. Съ одной стороны, вся европейская литература уже со временъ романтизма выросла изъ формъ теоріи: нѣтъ теперь ни одъ, ни поэмъ, ни трагедій (?)... Съ другой стороны—въ практическомъ отношеніи курсъ теоріи словесности важенъ главнымъ образомъ, какъ «теорія сочиненія», которая естественно имѣетъ значеніе передъ выполненіемъ ея на практикѣ, а не наоборотъ".

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго округа предлагаетъ проходить необходимѣйшія свѣдѣнія по теоріи словесности попутно.

Попечительскій совѣтъ Харьковскаго учебнаго округа постановилъ, что курсъ теоріи словесности долженъ быть нѣсколько сокращенъ и упрощенъ (онъ переносится изъ восьмого класса въ пятый); „при прохожденіи его слѣдуетъ не ограничиваться одними опредѣленіями, а иллюстрировать эти опредѣленія словесныхъ произведеній такими литературными образцами, въ которыхъ извѣстная литературная форма выражена чисто, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ слѣдующихъ классахъ, при прохожденіи русской словесности, указывалось, какъ произведенія съ теченіемъ времени стали отклоняться отъ основныхъ видовъ".

Казанская 2-ая гимназія находитъ, что особаго курса теоріи словесности не надо, а свѣдѣнія по этой наукѣ могутъ быть сообщаемы при разборѣ образцовъ.

То же признаетъ желательнымъ и педагогическій совѣтъ Ревельской Николаевской гимназіи; директоръ Перновской гимназіи находитъ цѣлесообразнымъ „совсѣмъ исключить изъ курса теорію словесности, настоящая постановка которой далеко не соотвѣтствуетъ современному состоянію этой науки".

Педагогическій совѣтъ Юрьевской гимназіи также ставитъ на второй планъ теорію словесности, „такъ какъ теорія создается на основаніи шедевровъ литературы, а не наоборотъ".

Директоръ Либавскаго реальнаго училища „находитъ возможнымъ

безъ ущерба для дѣла систематическое прохожденіе теоріи словесности вообще исключить изъ курса реальныхъ училищъ".

Съ рѣзкою опредѣлительностью, чтобы не сказать парадоксально, отнесся къ курсу теоріи словесности профессоръ Истринъ.

„Такъ какъ преподаваніе литературы должно и можетъ быть только историческимъ, то «теорія словесности», на которую отводится въ настоящее время VIII-ой классъ, падаетъ сама собой. Теоріи литературы нѣтъ вообще, а есть только ея исторія, и единственно можно говорить о теоріи стиля, но это уже отдѣльная, такъ сказать (?), дисциплина, вводящая насъ въ область психологіи. Теоріи словесности нельзя построить ни на одной литературѣ; тѣмъ менѣе ее можно строить на литературѣ русской. Никто теперь не пишетъ ни мадригаловъ, ни сонетовъ (?!), ни балладъ, а если когда и писали баллады, то онѣ для нѣмца имѣли совершенно (?) не то значеніе, что для русскаго автора. Какъ же можно говорить о «теоріи» литературы? Какъ новый (?) предметъ, она должна быть совершенно исключена, а большинство свѣдѣній, включенныхъ теперь въ курсъ «теоріи», сообщится ученикамъ при прохожденіи исторіи, такъ какъ во время подражательнаго періода русской литературы всѣ формы ея, возникшія исторически (а не теоретически), существовали и у насъ. Останется для прохожденія только теорія стиля, т.-е. стилистика, но уже стилистика русская (?!), съ необходимымъ присоединеніемъ того немногаго, что имѣетъ значеніе во всякомъ языкѣ, т.-е. различныя (?) фигуры (?) рѣчи".

Разбирая это мнѣніе, комиссія, остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1. Комиссіи неясно, какимъ образомъ можно обходиться безъ теоріи въ той области знанія, которая имѣетъ ближайшимъ объектомъ своимъ одно изъ искусствъ, т.-е. поэзію.

2. Въ частности, въ учебномъ заведеніи, гдѣ учениковъ учатъ писать сочиненія, какъ можно обойтись безъ изученія теоріи сочиненія?

3. Комиссія не понимаетъ, что разумѣетъ профессоръ Истринъ подъ названіемъ русская стилистика. Если подъ этимъ надо разумѣть что-либо въ родѣ трудовъ Миклошича или Зимы, то какое отношеніе такая русская стилистика будетъ имѣть къ поэзіи Пушкина, Лермонтова, Майкова? Примѣры, заимствуемые изъ области русской поэзіи, едва ли сдѣлаютъ стилистику русской.

4. Теорію стиля г. Истринъ относитъ къ психологіи: почему же бы

съ такимъ же правомъ не отнести къ этой области и теорію творчества?

По поводу всѣхъ высказанныхъ возраженій противъ курса теоріи словесности комиссія можетъ замѣтить только, что ей литературное развитіе юношей въ средней школѣ представлялось бы очень неполнымъ, если бы они къ концу курса не отдавали себѣ яснаго отчета въ сущности и до нѣкоторой степени въ генезисѣ литературныхъ формъ такого мірового значенія, какъ романъ и драма, или употребляли лишь въ обыденномъ, а не въ научномъ значеніи такія выраженія, какъ типъ, символъ, юморъ. Систематическій курсъ теоріи словесности кажется комиссіи совершенно необходимымъ, при чемъ теорія поэзіи должна, по ея мнѣнію, проходиться, по возможности въ историко-генетическомъ освѣщеніи, въ старшемъ классѣ, и служить основой для изученія или по крайней мѣрѣ нѣкотораго разъясненія важнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, которыя такимъ образомъ получатъ нѣкоторую приспособленность въ общемъ курсѣ словесности.

VI.

Проектъ измѣненій въ учебныхъ планахъ по предмету русской словесности.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ предыдущимъ. Комиссія, пересматривая относящуюся сюда часть матеріаловъ, извлекла изъ нея слѣдующія данныя по распредѣленію учебнаго курса словесности между старшими классами гимназіи и реальнаго училища.

Педагогическіе совѣты С.-Петербургскаго учебнаго округа проектировали:

а) по гимназіямъ:—въ V классѣ краткія свѣдѣнія по теоріи словесности, произведенія русской народной словесности и книжная русская словесность отъ начала ея до эпохи Петра Великаго.

VI классъ — главныя произведенія русской литературы отъ Петра Великаго до Пушкина.

VII и VIII классы — произведенія русской литературы, начиная съ Пушкина.

б) по реальнымъ училищамъ сюда относятся слѣдующія три постановленія:

„2. отказаться отъ особаго курса теоріи поэзіи въ V классѣ, а проходить ее по мѣрѣ изученія соотвѣтствующихъ произведеній; сти-

листику же и общія свѣдѣнія изъ теоріи прозы проходить въ V классѣ;

3. изученіе народной словесности отнести къ IV классу;

4. съ V класса начать систематическое ознакомленіе съ произведеніями русской литературы въ ихъ хронологической послѣдовательности".

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго учебнаго округа проектировалъ одинаковый курсъ русской словесности для гимназій и реальныхъ училищъ, съ тѣмъ (повидимому) условіемъ, чтобы въ реальныхъ училищахъ онъ начинался не съ V, а съ IV класса. Впрочемъ, въ отзывѣ это выражено не вполнѣ ясно.

Гимназіи:

V классъ. Пропедевтическій курсъ теоріи словесности и литература до Ломоносова.

VI — Отъ Ломоносова до Карамзина.

VII — Отъ Карамзина до Гоголя.

VIII — Новѣйшая литература и систематическій курсъ теоріи словесности.

Попечительскій совѣтъ Харьковскаго округа, относя теоретическій курсъ словесности къ V-мъ классамъ гимназіи и реальнаго училища, желалъ бы распредѣленія остального учебнаго матеріала въ гимназіи между 3-мя, а въ реальномъ училищѣ между двумя классами.

Комиссія при попечительскомъ совѣтѣ Одесскаго округа проектировала отвести для преподаванія исторіи русской литературы VI, VII и VIII классы гимназіи и V, VI, VII классы реальнаго училища; теорію словесности въ сокращенномъ объемѣ проходить въ V классѣ гимназіи и IV — реальнаго училища.

Попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа, предлагая знакомить съ теоріею словесности попутно, проектировалъ для гимназій:

V классъ. Устная народная словесность и книжная, кончая Ломоносовымъ.

VI классъ. Отъ Фонвизина до Грибоѣдова.

VII классъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

VIII классъ. Новѣйшая литература.

Для реальныхъ училищъ:

V классъ. Устная словесность и книжная, кончая Державинымъ.

VI классъ. Съ Карамзина до Гоголя.

VII классъ. Новѣйшая литература.

Попечительскій совѣтъ Кавказскаго округа включилъ въ проектъ свой совершенно особую программу, по которой V и VI классы гимназіи посвящаются пропедевтическому курсу теоріи словесности на изученіи избранныхъ произведеній, а VII и VIII историко-литературному обзору произведеній русской словесности, при чемъ въ VIII классъ входило бы и „повтореніе въ системѣ теоріи словесности съ дополненіемъ исторіи литературныхъ формъ и вопросовъ искусства“.

По мнѣнію комитета при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, желательно было бы курсъ древней русской литературы отнести къ VI классу, а новѣйшую въ VII классъ реальныхъ училищъ.

Педагогическій совѣтъ Якутскаго реальнаго училища проектировалъ въ VI классѣ реальнаго училища курсъ литературы до Ломоносова, а въ VII позднѣйшій періодъ и новѣйшую литературу, въ объемѣ, проектированномъ въ министерскомъ циркулярѣ.

Соображая вышеуказанные отзывы, комиссія прежде всего оговаривается, что въ передачѣ проектовъ учебнаго плана она опускала все, что въ нихъ касалось произведеній иностранной словесности, имѣя въ виду разобрать соотвѣтствующія данныя въ особой рубрикѣ своего отчета; сверхъ того, комиссія не видѣла практической пользы отъ свода пожеланій педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ на счетъ увеличенія числа уроковъ по русскому языку и словесности, въ виду того, что вопросъ о таблицѣ уроковъ въ преобразуемой гимназіи и реальномъ училищѣ въ ученомъ комитетѣ уже былъ всесторонне разсмотрѣнъ и рѣшенъ.

Поучительнымъ для себя въ вышеуказанныхъ проектахъ комиссія нашла, во-первыхъ, настойчиво выражаемое желаніе дать нѣкоторыя свѣдѣнія по теоріи слога и сочиненія въ самомъ началѣ курса словесности; во-вторыхъ, тоже настойчиво проводимое спеціалистами желаніе по возможности уравнять литературные курсы гимназіи и реальнаго училища.

VII.

Вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ, въ связи съ расширеніемъ курса.

Мысль поставить ученическія сочиненія въ связь съ новымъ матеріаломъ по русской литературѣ, повидимому, не встрѣтила особыхъ

возраженій со стороны лицъ, дававшихъ отзывы. Нѣкоторыя изъ педагогическихъ коллегій выразили при этомъ намѣреніе воспользоваться спискомъ предложенныхъ циркуляромъ—лишь къ свѣдѣнію, конечно—темъ; другія отмѣчали темы, показавшіяся спеціалистамъ недостаточно опредѣленными или непосильными для учениковъ. Таково замѣчаніе педагогическаго совѣта Рижской гимназіи Императора Николая I.

Попечительскій совѣтъ Виленскаго округа находитъ, что „среди намѣченныхъ въ спискѣ темъ мало національнаго и нравственнаго фактора". Очевидно, слова „національный и нравственный" слишкомъ растяжимы.

По мнѣнію Московской 5-ой гимназіи, „нѣкоторыя темы отличаются мелочностью, вымученностью и не представляютъ интереса для учениковъ: таковы параллели между мелкими (?) стихотвореніями". Другія темы слишкомъ обширны, такъ „что трудно опредѣлить ихъ содержаніе, таковы темы: „Два міра—трагедія (?)".

Гельсингфорсская гимназія указываетъ, что „нѣкоторыя изъ темъ не отличаются надлежащей доступностью предлагаемыхъ вопросовъ, особенно если имѣть въ виду болѣе самостоятельное (?) разрѣшеніе ихъ учащимися. Къ числу такихъ гимназія относитъ:

1. Почему языческій міръ изображенъ Майковымъ ярче, чѣмъ христіанскій?

2. Лѣнь Обломова, какъ сложное явленіе.

3. Донъ-Кихоты въ поэзіи Тургенева.

4. Различія въ обрисовкѣ типовъ между Гоголемъ, Тургеневымъ и Гончаровымъ.

5. „Гончаровъ — созерцатель".

Относительно проектированной въ министерскомъ циркулярѣ формы „устныхъ сочиненій".

Харьковскій попечительскій совѣтъ призналъ устныя сочиненія полезными.

Изъ гимназій Московскаго округа объ устныхъ сочиненіяхъ высказались лишь немногія. Высказываются мнѣнія о желательности ихъ, но въ то же время о затруднительности вести ихъ по недостатку времени и необходимости пріучать учениковъ къ исполненію такого рода задачъ съ пятаго класса.

Наставникъ-руководитель гимназіи Историко-филологическаго института въ Петербургѣ высказался противъ устныхъ сочиненій, въ виду того, что эта форма упражненій полезна лишь въ томъ случаѣ,

когда соединена съ серьезной и продолжительной подготовкой со стороны учащихся. Конференція института, соглашаясь съ этимъ, признаетъ, однако, что не слѣдовало бы принципіально отвергать устныхъ сочиненій, а желательно бы было заняться вопросомъ, при какихъ условіяхъ и съ какими ограниченіями (?) можно бы осуществить эти столь важныя для развитія устнаго слова учащихся упражненія.

Въ общемъ комиссія, ознакомившись съ трактованіемъ въ отзывахъ вопроса объ устныхъ сочиненіяхъ, вынесла впечатлѣніе, что нельзя бы было дѣлать обязательною этой формы упражненій, но было бы желательно, чтобы педагогическіе совѣты, которые относятся къ ней отрицательно, изыскали съ своей стороны какое-нибудь средство противъ признаваемаго всѣми равно недостатка въ нашихъ ученикахъ умѣнья правильно и ясно выражать свои мысли въ устной рѣчи.

VIII.

Вопросъ о произведеніяхъ западно-европейской литературы въ русскихъ переводахъ, какъ элементѣ курса русской словесности.

Ознакомленіе учениковъ съ главнѣйшими произведеніями западно-европейской художественной литературы рекомендуется и нынѣ дѣйствующей программой. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ не только педагогическихъ, но и попечительскихъ совѣтовъ высказывается потребность ввести это ознакомленіе въ нормальный курсъ средней школы.

Такъ попечительскій совѣтъ Оренбургскаго учебнаго округа проектируетъ распредѣленіе между V, VI и VII классами гимназіи знакомство со слѣдующими классическими именами: Гомеръ (V классъ); Шиллеръ, Гёте, Мольеръ (VI классъ); Софоклъ, Шекспиръ, Байронъ (VII классъ).

Попечительскій совѣтъ Кавказскаго округа проектируетъ въ VI классѣ Антигону или другую классическую драму и Короля Лира; въ VII ознакомленіе съ Шиллеромъ, Байрономъ, Мольеромъ и Шекспиромъ; въ VIII — съ Гёте и Шекспиромъ.

Попечительскій совѣтъ Кіевскаго округа желалъ бы видѣть иностранную литературу въ качествѣ отдѣльнаго предмета преподаванія въ VII и VIII классахъ гимназій, при двухнедѣльныхъ урокахъ.

Многія гимназіи Московскаго округа желали бы внести въ курсъ словесности произведенія иностранныхъ литературъ, при чемъ назы-

ваются имена: Гомера, Софокла, Данте, Сервантеса, Мольера, Расина, Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона, Шенье, Диккенса и Барбье. Одна изъ гимназій желаетъ ознакомленія съ рыцарской поэзіей. Одна изъ Казанскихъ гимназій называетъ имена Сервантеса и Петрарки. Одна изъ гимназій Рижскаго округа — эпосъ западныхъ народовъ, кромѣ германскаго.

Комиссія, констатируя настойчивое желаніе многихъ лицъ и коллегій, дававшихъ отзывы, видѣть учениковъ, кончающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія, ознакомленными съ главнѣйшими произведеніями европейской литературы, съ своей стороны остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1. Нельзя ставить вопросы о произведеніяхъ иностранной литературы въ средней школѣ исключительно въ связь съ тѣмъ вліяніемъ, которое они имѣли на русскую литературу, такъ какъ установить ближайшее вліяніе античной литературы на русскую было бы трудно, а между тѣмъ даже теперь допускается въ курсѣ русской словесности разборъ произведеній Гомера и Софокла.

2. Нельзя ставить рядомъ по учебно-воспитательному значенію для русской школы художественныя произведенія, написанныя на русскомъ языкѣ, съ переводными, какъ бы ни казались хороши для даннаго времени переводы. Переводъ художественнаго произведенія неизбѣжно привноситъ элементъ чуждый переводимому автору, и притомъ чужое произведеніе въ переводѣ не дастъ ученику любви къ родному слову, къ родной землѣ и къ родному пейзажу, — между тѣмъ какъ нѣтъ истинно-художественнаго произведенія русскаго, въ которомъ такъ или иначе не проявлялась бы если не любовь поэта къ родинѣ, то хотя сознаніе силы и обаятельности родного слова; въ этомъ отношеніи очень характерно отношеніе западника Тургенева къ русскому языку и языку творчества.

3. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что отнынѣ новые языки становятся въ нашей средней школѣ нормальными предметами курса, и что поэтому нѣкоторыя изъ произведеній Расина, Мольера, Шиллера и Гёте будутъ прочитываться и объясняться въ классахъ преподавателями новыхъ языковъ, при чемъ преподаватель русской словесности можетъ пользоваться этимъ для иллюстраціи положеній своего курса.

4. Вводить чтеніе и разборъ иностранныхъ произведеній въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ и числѣ служило бы къ несомнѣнному ущербу для изученія русскаго художественнаго слова, въ виду необ-

ходимости удѣлять много времени на работу надъ произведеніями въ переводѣ лишь на половину художественными.

5. Вопросъ о созданіи новаго средне-учебнаго предмета „иностранной литературы“ (переводной?) является несвоевременнымъ въ виду того, что таблица уроковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже выработана; потому комиссія не сочла нужнымъ разсматривать мнѣніе Кіевскаго округа по существу.

6. Комиссія полагаетъ, что на иностранныхъ художественныхъ произведеніяхъ слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе учащихся главнымъ образомъ въ заключительномъ курсѣ теоріи поэзіи, но что подробно разбирать и въ этомъ курсѣ такія произведенія, какъ Фаустъ или Божественная комедія, не будетъ времени: курсъ, конечно, долженъ быть расчитанъ на то, чтобы заинтересовать учениковъ перлами западно-европейской поэзіи, но въ русской школѣ читаться они должны въ переводахъ по преимуществу во внѣклассное время.

II. Программы курса русской словесности и объяснительныя къ нимъ записки.

1. *Общія положенія.*

По соображеніи изученнаго ею матеріала съ существомъ дѣла, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ.

1. Основной курсъ русской словесности разсчитанъ на гимназію, какъ школу съ восьмилѣтнимъ курсомъ. Для реальнаго училища, въ виду его шестиклассnаго состава и необходимости дать нѣчто законченное для прохожденія въ двухъ старшихъ его классахъ, долженъ быть выработанъ особый курсъ.

2. Курсъ теоріи словесности въ видѣ элементарно-эпизодическомъ долженъ быть преподанъ ранѣе систематическаго курса исторіи русской словесности. Нельзя приступать къ писанію сочиненій, не имѣя понятія о теоріи сочиненія, и разбирать литературные памятники безъ усвоенія основъ теоріи прозы и поэзіи: поэтому въ курсѣ IV класса предполагается, на ряду съ изученіемъ грамматики древняго церковно-славянскаго языка и въ связи съ чтеніемъ соотвѣтствующей русской хрестоматіи, пройти небольшой теоретическій курсъ, примѣрная программа котораго прилагается.

3. Курсъ народной словесности, отдѣляемый въ проектѣ отъ курса исторіи русской литературы, относится на V-й классъ: комиссія придаетъ народной словесности большое значеніе, какъ благодаря разно-

образію и жизненности ея содержанія, такъ и въ цѣляхъ усвоенія учениками чистой народной рѣчи.

4. При составленіи программъ преслѣдовались главнымъ образомъ двѣ цѣли: научность и систематичность курсовъ.

5. Въ программѣ историческаго курса словесности (V—VII классы) комиссія отмѣтила то, что казалось ей наиболѣе существеннымъ, въ теоретическомъ такого выдѣленія сдѣлано не было.

Во всякомъ случаѣ комиссія полагаетъ въ интересахъ столь важнаго предмета, какъ русская литература, необходимымъ предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ видоизмѣнять и сокращать программы по русской словесности, сообразно мнѣніямъ спеціалистовъ и мѣстнымъ условіямъ, лишь бы при этомъ не нарушалась система курсовъ, выработанная комиссіей по тщательномъ соображеніи опытныхъ и теоретическихъ данныхъ.

6. При курсѣ теоріи поэзіи имѣлось въ виду поставить на солидную почву ознакомленіе учащихся съ произведеніями западно-европейской литературы.

7. Курсы V и VI классовъ состоятъ въ представляемомъ проектѣ каждый изъ двухъ частей: первая систематическая—историко-литературная, вторая—эпизодическая, которая ставится въ ближайшую связь съ веденіемъ ученическихъ сочиненій, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ.

2. *Объяснительная записка къ проекту новой программы.*

Цѣль курса. Изученіе словесности историческое и теоретическое должно дать ученикамъ ясное понятіе о сущности поэтическаго творчества, о механизмѣ его и, наконецъ, объ его исторіи. Оканчивающій курсъ средняго учебнаго заведенія долженъ вступать въ жизнь съ яснымъ пониманіемъ и знаніемъ родной поэзіи и главнѣйшихъ явленій западно-европейской. Это „знаніе“ должно быть болѣе или менѣе законченнымъ, чтобы юноша, получившій аттестатъ зрѣлости, могъ сознательно относиться къ родной и чужой литературѣ, могъ бы безъ труда оріентироваться въ главныхъ явленіяхъ прошлаго и настоящаго этихъ литературъ. Для этого необходимо, чтобы школа дала прежде всего ясную систему въ распредѣленіи матеріала, нужно создать такую стройную схему въ планѣ преподаванія, чтобы ученики знакомились не съ разрозненными случайными, мало-связанными отдѣлами теоретическаго и историческаго курса словесности, а съ такимъ кур-

сомъ, въ основу котораго съ начала преподаванія, съ I класса до послѣдняго VIII-го, положена была ясная идея, опредѣленно поставленная цѣль.

Необходимыя исправленія въ существующей программѣ изученія словесности. Для того, чтобы создать такую систему, надо прежде всего правильнѣе распредѣлить матеріалъ, надъ которымъ долженъ оперировать преподаватель словесности, и очистить составъ этого матеріала, отбросивъ все то, что, по существу своему, не должно входить въ область поэтическаго творчества, введя все, что, по странной случайности или недосмотру, не вошло пока въ этотъ составъ.

Теорія словесности. Прежде всего обращаетъ вниманіе ненормальная постановка у насъ теоретическаго курса словесности. По самому существу своему, онъ распадается на двѣ части: 1) вступительную, въ которой излагается собственно теорія сочиненія, механизмъ поэтическаго творчества — и 2) характеристику литературныхъ жанровъ, производимую на разборѣ образцовъ.

Первая часть несомнѣнно должна имѣть мѣсто не въ VIII классѣ, гдѣ она является лишней, такъ какъ практика ее давно уже опередила,—а въ томъ классѣ, гдѣ ученики начинаютъ серьезно заниматься разработкой сочиненій, т. е. въ IV классѣ, послѣ основательнаго изученія этимологіи и синтаксиса, послѣ цѣлаго ряда простыхъ пересказовъ устныхъ и письменныхъ, которые должны начинаться послѣ изученія синтаксиса, т. е. изученія строя предложеній, простыхъ и сложныхъ. IV классъ долженъ ученикамъ дать теорію сочиненія, долженъ дать понятіе о стилистикѣ, о прозаическомъ и поэтическомъ изложеніи, о періодахъ. Все это совершенно излишне въ VIII классѣ, гдѣ это является слишкомъ элементарнымъ, слишкомъ извѣстнымъ изъ многолѣтней практики.

Вторая часть курса теоретическаго, характеристика литературныхъ жанровъ, точно также является въ VIII классѣ какимъ-то лишнимъ привѣскомъ, такъ такъ, оперируя большею частью надъ произведеніями, которыя уже нашли себѣ мѣсто при прохожденіи курса историческаго, она даетъ очень мало новыхъ свѣдѣній. Эти свѣдѣнія исключительно сводятся къ ознакомленію учениковъ съ немногими явленіями всемірной литературы.

Чтобы раціональнѣе и плодотворнѣе поставить преподаваніе теоріи словесности, необходимо раздѣлить этотъ курсъ:—первую часть, такъ сказать, пропедевтическую (теорію сочиненія) отнести на IV классъ, гдѣ она будетъ совершенно у мѣста, такъ какъ явится 1) законнымъ

развитіемъ курса I—III классовъ, и 2) подготовленіемъ учениковъ къ курсу историческому, въ которомъ ученики встрѣтятся съ „сочиненіями“, прозаическими и поэтическими,—а вторую часть (характеристика жанровъ) 1) пополнить исключительно изученіемъ главнѣйшихъ явленій всемірной литературы. Исключеніе изъ этого курса произведеній русской литературы дастъ возможность ввести сюда въ достаточномъ количествѣ произведенія міровыхъ геніевъ,—2) сдѣлать изъ этого курса, дѣйствительно, нѣчто такое, что представляло бы собой завершеніе всего курса словесности. Для этого надо создать курсъ, такъ сказать, философіи исторіи и теоріи литературы. Сюда вошли бы, напримѣръ, изученіе вопросовъ психологіи творчества, законовъ развитія литературы, научное изученіе особенностей и исторіи поэтическаго стиля, характеристика литературныхъ направленій, взаимодѣйствіе личности писателя и общества, и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, которые даже не затрагиваются въ теперешнихъ учебникахъ теоріи, повторяющихъ старые схоластическіе взгляды XVII столѣтія. Для такого философскаго курса теоріи словесности матеріала найдется не мало: онъ будетъ опираться на курсъ философской пропедевтики, на трехлѣтній курсъ исторіи русской словесности, на знакомство учениковъ съ величайшими произведеніями всемірной литературы. Этотъ курсъ, дѣйствительно, будетъ завершеніемъ всему восьмилѣтнему изученію русскаго языка и словесности.

Исторія словесности. Выборъ произведеній для программы. Обращаясь къ курсу „историческому“, невольно замѣчаешь и здѣсь цѣлый рядъ промаховъ въ выборѣ матеріала, въ распредѣленіи его, въ самой системѣ изложенія.

Прежде всего бросается въ глаза, что въ курсъ исторіи литературы введено много произведеній, ничего общаго съ поэзіей не имѣющихъ. Таковы, напримѣръ, „Поученіе Владиміра Мономаха“, „Переписка Грознаго съ Курбскимъ“, „Домострой“ и пр. А съ другой стороны, въ курсъ не введено почти житій, легендъ, повѣстей—т. е. того учебнаго матеріала, на которомъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій воспитывались идеалы русскихъ людей. Въ этихъ произведеніяхъ много поэзіи, много высокаго чувства; они необходимы для пониманія не только древней русской жизни и литературы, но и народной, и новѣйшей (Достоевскій и Толстой). Такимъ образомъ, въ новой программѣ надо подвергнуть тщательному пересмотру составъ тѣхъ произведеній, которыя должны войти въ курсъ историческій. Болѣе тщательный подборъ произведеній, несомнѣнно, создастъ надъ древней литературой

атмосферу своеобразной поэзіи, которую чувствовали и чувствуютъ простые русскіе люди, но не чувствуетъ нашъ интеллигентъ. „Псалмы“ царя Давида—неизсякаемый источникъ живой и высокой поэзіи—вдохновляли русскихъ людей въ теченіе многихъ вѣковъ; они вдохновляли Ломоносова, Сумарокова, Державина, они захватили даже Пушкина,— но они остаются совершенно невѣдомы намъ, людямъ „образованнымъ“. Если говорить объ „исторіи литературы“, то нельзя миновать того, что въ теченіе вѣковъ было источникомъ чистыхъ и высокихъ вдохновеній. Когда наши ученики ознакомятся съ поэтическими настроеніями древней Руси, передъ ихъ глазами раскроются необъятные горизонты, — имъ яснѣе и понятнѣе сдѣлается многое и въ новой Руси, въ расколѣ, въ „русскихъ людяхъ“ новѣйшей русской литературы, въ міросозерцаніи такихъ писателей, какъ Толстой и Достоевскій, которые сумѣли заглянуть въ душу тѣхъ русскихъ людей, которые въ тайникахъ души сохранили идеалы родной старины.

Народная словесность. Въ распредѣленіи матеріала при изученіи словесности, нельзя не замѣтить также не мало коренныхъ недосмотровъ. Почему знакомство съ народной поэзіей внесено въ курсъ историческій?—Развѣ возможно къ этому отдѣлу примѣнить какой-нибудь изъ историческихъ методовъ? Развѣ можно связывать сказки, пѣсни и пр. съ какой-нибудь опредѣленной исторической эпохой? Въ настоящемъ своемъ видѣ къ тому же народная словесность изучается и въ теоретическомъ курсѣ. Тамъ она умѣстнѣе, такъ какъ ее только и возможно проходить по „жанрамъ“, т. е. такъ, какъ поставлено изученіе теоріи словесности. Но въ теоріи словесности этотъ отдѣлъ проходится бѣгло, вниманіе ученика скользитъ по двумъ-тремъ пѣснямъ, двумъ сказкамъ, тремъ былинамъ... и, въ результатѣ, ученикъ не знаетъ народнаго творчества, не понимаетъ поэтическихъ настроеній родного народа; для него остается чуждъ этотъ народъ, который до сихъ поръ живетъ своимъ міромъ. Многіе ли изъ учениковъ, кончающихъ курсъ гимназіи, знаютъ, что народная лирика богаче своимъ содержаніемъ лирики искусственной, что ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни всѣ позднѣйшіе поэты во всей ихъ совокупности не охватили такъ полно всей человѣческой жизни, всѣхъ ея событій и настроеній, какъ это сдѣлала простонародная пѣсня? Кто изъ учениковъ, кончающихъ курсъ, знаетъ, какъ тѣсно связаны художественно-поэтическія эмоціи простого народа съ жизнью природы, какъ празднуетъ народъ до сихъ поръ традиціонными пѣснями и обрядами весеннее пробужденіе могучихъ силъ природы?

Вотъ почему знакомство съ народной поэзіей должно быть широкое и основательное. Для этого надо народную поэзію освѣтить этнографическимъ толкованіемъ, надо ввести въ курсъ бо́льшее количество произведеній. Весь этотъ курсъ возможно пріурочить къ V классу, такъ какъ матеріалъ этотъ легко и съ интересомъ усваивается въ этомъ возрастѣ: сказки, былины, пѣсни, заговоры, — все это очень интересно и нисколько не обременительно. Этнографическій элементъ, введенный въ этотъ курсъ, сведется къ разсказамъ объ обычаяхъ и нравахъ русскаго народа („свадьба“, „похороны“, „народные праздники“ и пр.); на такомъ фонѣ народное творчество сразу пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе, а потому и интересъ. Курсъ народной словесности долженъ стоять особнякомъ отъ курса историческаго, но въ то же время въ средней школѣ его удобнѣе проходить раньше изученія древней литературы, такъ какъ онъ даетъ нѣкоторое представленіе о народной поэзіи язычниковъ-славянъ, онъ поможетъ понять и оцѣнить всю „народность“ „Слова о Полку Игоревѣ“.

Эпизодическое или историческое изложеніе курса словесности. Что касается до курса собственно „историческаго“, то и здѣсь возникаетъ рядъ крупныхъ недоразумѣній, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя браться за составленіе новой программы. Въ мнѣніяхъ, представленныхъ различными округами, неоднократно выражается пожеланіе, чтобы эпизодическое изученіе произведеній словесности замѣнено было „историческимъ“. Это требованіе основано на глубокомъ недоразумѣніи. „Исторіи русской литературы“ нѣтъ еще и въ университетахъ, — и тамъ до сихъ поръ общій курсъ литературы носитъ отчасти эпизодическій характеръ. Происходитъ это потому, что нашъ предметъ въ совокупности недостаточно изученъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы представить себѣ полную и ясную картину исторіи, хотя бы псевдоклассической драмы, надо взять ее цѣликомъ, надо привлечь всѣ произведенія, — тогда получится картина полная съ правильными выводами. Между тѣмъ, въ общемъ курсѣ университета указывается нѣсколько произведеній Сумарокова, Княжнина и Озерова. Развѣ эти три имени могутъ представить всю исторію жанра иначе, какъ въ эпизодическомъ изложеніи? До нынѣ и въ учебникахъ, и въ университетскихъ лекціяхъ говорится о Карамзинѣ, что онъ—„отецъ русской повѣсти“,—тогда какъ до него мы имѣемъ болѣе 1500 романовъ на русскомъ языкѣ, изъ нихъ болѣе 100 „оригинальныхъ“. Изъ этихъ примѣровъ видно, что еще для университета не настало время вполнѣ научной „исторической“ постановки изученія словесности.

Молодой человѣкъ, оканчивающій курсъ средне-учебнаго заведенія, долженъ знать и понимать прошлое родной исторіи, по скольку это прошлое выразилось въ главнѣйшихъ событіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, по скольку оно нашло себѣ отраженіе въ творчествѣ народа. Для средней школы совершенно достаточно ознакомиться съ главнѣйшими, наиболѣе характерными проявленіями этого творчества. Такимъ образомъ изученіе словесности должно остаться по прежнему „эпизодическимъ“, но 1) составъ произведеній, входящихъ въ программу, долженъ быть тщательно пересмотрѣнъ—отброшено то, что не имѣетъ въ себѣ ни зерна поэзіи, — включено то, что пока не входило въ программы, а затѣмъ—2) необходимо внести болѣе научное распредѣленіе въ программу, болѣе ясный планъ, въ которомъ выдержаны принципы дѣленія. До сихъ поръ исторія русской литературы не знала этого плана ни въ учебникахъ, ни въ „научныхъ“ пособіяхъ. Въ книгѣ Незеленова встрѣчаемъ дѣленіе то „по вѣкамъ“, то по именамъ императоровъ, то по именамъ писателей. Въ сочиненіи А. Н. Пыпина дѣленіе идетъ по литературнымъ жанрамъ, но такое дѣленіе для средней школы неудобно, такъ какъ при немъ совершенно теряется пониманіе послѣдовательности въ развитіи народнаго творчества.

Дѣленіе исторіи литературы по эпохамъ. Гораздо раціональнѣе дѣленіе исторіи литературы по культурно-историческимъ эпохамъ. Литература есть выраженіе настроеній, мыслей и идеаловъ извѣстнаго времени. Исторія русской культуры указываетъ ясно, что нѣсколько разъ эти настроенія, мысли и идеалы мѣнялись въ бо́льшей или меньшей степени,—поэтическое творчество всегда ярко отражало эти перемѣны. Курсъ изученія словесности и долженъ быть такъ поставленъ, чтобы ученику ясной сдѣлалась эта связь творчества съ эпохой; смѣна эпохъ и смѣна литературныхъ вкусовъ, по скольку она выразится въ наиболѣе выдающихся твореніяхъ,—поможетъ ученику установить преемственность историческихъ моментовъ русской культуры.

Такими моментами были слѣдующіе: 1) Кіевская Русь до XIII в.; 2) эпоха переходная отъ Кіева къ Москвѣ (до XV в.); 3) Московская Русь (XV—XVI в.); 4) эпоха разложенія Москвы (XVII в.— a) юго-западная русская литература XVII в. — b) Московская Русь наканунѣ Петра); 5) Петровская (Петербургская) Россія; 6) Екатерининская Россія; 7) Александровская Россія [a) предшественники Пушкина, b) Пушкинъ, c) Гоголь]. Послѣдній 8-ой отдѣлъ (обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX в. a) Писатели Пушкинскаго направленія; b) писатели Гоголевскаго на-

правленія; с) писатели-моралисты) этой программы теряетъ тотъ характеръ, который выдержанъ въ примѣненіи ко всей предшествовавшей литературѣ. Произошло это потому, что въ XIX в. рамки литературныхъ направленій слишкомъ разростаются въ размѣрѣ и притомъ слишкомъ индивидуализируются, чтобы было возможно примѣнить къ ней схему, выработанную для эпохъ предшествовавшихъ. Вопросъ о систематизаціи русской литературы XIX столѣтія—еще вопросъ далекаго будущаго. Можно было, конечно, назвать 8-ой отдѣлъ: Николаевская Россія, и ввести 9-ый — шестидесятые годы, отмѣтить въ нихъ прогрессивное и реакціонное направленіе, при чемъ къ первому отнести всю обличительную литературу, ко второму ту, которая стала возвращаться къ идеаламъ древней Руси (аскетизмъ, нравственное самосовершенствованіе, народничество и пр.), но такое распредѣленіе матеріала было бы неудовлетворительнымъ, такъ какъ въ первую часть (обличительная литература) вошло бы слишкомъ мало произведеній, доступныхъ изученію въ школѣ. Въ результатѣ осталась бы схема безъ содержанія. Вотъ почему лучше 8-му отдѣлу придать менѣе отвѣтственное названіе: „обзоръ главнѣйшихъ направленій русской литературы второй половины XIX столѣтія“.

Дѣленіе по жанрамъ. Затѣмъ возникаетъ второй вопросъ, не менѣе важный: какъ распредѣлить изученіе литературнаго матеріала въ предѣлахъ каждой исторической эпохи? Распредѣлять ли этотъ матеріалъ по писателямъ, какъ это обыкновенно дѣлается, или распредѣлить по жанрамъ, какъ это, мало-по-малу, прививается въ послѣднее время у насъ и на западѣ? Удобства второго метода выражаются главнымъ образомъ въ томъ, что рельефнѣе дѣлается жизнь литературы, біографія писателя отойдетъ совсѣмъ въ мелкій шрифтъ, и вмѣстѣ съ этимъ сократится лишній нелитературный матеріалъ, яснѣе сдѣлается взаимодѣйствіе одного жанра на другой, введется болѣе научное историко-генетическое освѣщеніе литературы взамѣнъ біографическаго, къ тому же непослѣдовательно и случайно проведеннаго, такъ какъ многихъ біографій у насъ нѣтъ, другія (напр., Ломоносова) мало общаго имѣютъ съ исторіей литературы. Конечно, біографіи такихъ писателей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, должны войти въ курсъ въ самомъ широкомъ объемѣ, такъ какъ онѣ необходимы для пониманія ихъ творчества, но самодовлѣющаго значенія біографіи не должны имѣть даже здѣсь, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ сами произведенія стоятъ за себя (напр., хотя бы произведенія Майкова, Тургенева и др.). Это дѣленіе по „жанрамъ“ дастъ возможность связать „исторію“

литературы съ „теоріею“ (характеристика жанровъ), дастъ возможность ввести въ курсъ необходимые экскурсы въ область западныхъ литературъ. Какъ легко, напримѣръ, объяснить вліяніе псевдоклассицизма на русскую литературу XVIII в. Мы беремъ разные жанры: „лирика“ (оды), „эпопея“, „романъ“, „теорія словесности“, и, помѣстивъ всѣ эти жанры въ рамки извѣстной эпохи, смотримъ, что произошло съ одой, драмой, романомъ и т. д. Когда впервые приходится говорить о псевдоклассической литературѣ, тогда умѣстно сдѣлать и объясненіе, откуда взялась хотя бы „ода“, какъ сложилась у грековъ, какъ она выразилась у французовъ XVI—XVII вв., какія типичныя выраженія нашла у насъ: оды Ломоносова и Сумарокова прекрасно рисуютъ расцвѣтъ псевдоклассической оды у насъ и вырожденіе ея въ пародію („вздорныя“ оды), въ поэзію дѣйствительности („разныя оды“). Возьмемъ ли псевдоклассическую оду въ слѣдующую культурно-историческую эпоху — „Екатерининскую“, — на „одахъ“ Хераскова и Державина мы увидимъ съ очевидной ясностью иное, новое отраженіе культурной жизни. То же можно продѣлать съ другими литературными видами. Результаты будутъ ясны и осязательны: ученикъ увидитъ изъ сопоставленія литературнаго творчества двухъ эпохъ, какое различіе въ нихъ; онъ увидитъ возникновеніе новыхъ направленій, новыхъ жанровъ, какъ результатъ наростанія новыхъ интересовъ и культурныхъ потребностей. Изъ этого всего видно, какъ неудобно располагать литературный матеріалъ по именамъ авторовъ,—сразу нарушится стройность картины, осязательность выводовъ; произведенія затеряются въ біографическомъ хламѣ, часто анекдотическаго свойства; относительно каждаго писателя придется отдѣльно говорить, какъ онъ реагировалъ на различныя вліянія внѣшнія и внутреннія, какъ измѣнялись его взгляды, какъ случайны были его нѣкоторыя произведенія.

Схематичность предлагаемой программы. Первое впечатлѣніе, которое производится новой программой, это—ея схематичность. Но въ этомъ стараніи ясно и точно разобраться въ литературномъ матеріалѣ есть и большое значеніе. Въ рукахъ преподавателя и ученика всегда будетъ цѣлая схема исторіи русской литературы, въ которой легко ориентироваться, легко всякому литературному явленію найти его мѣсто. Эта систематичность въ изложеніи курса поможетъ легко и прочно усвоить сущность главныхъ моментовъ развитія нашего творчества, а для будущихъ студентовъ-филологовъ она поможетъ съ надлежащимъ пониманіемъ отнестись къ „спеціальнымъ“ курсамъ по исторіи

литературы, или къ такимъ „общимъ курсамъ“, которые въ университетахъ, увы, часто не захватываютъ предѣловъ новой литературы.

Обиліе матеріала. Быть можетъ, обратитъ на себя вниманіе и обиліе новыхъ именъ, новыхъ произведеній, вошедшихъ въ программу. На первый взглядъ покажется, что курсъ „исторіи русской литературы“ сдѣлался тяжелѣе, что въ немъ много балласта не только стараго, но еще и новаго,—но на это приходится возразить—1) сокращать или вычеркивать цѣлые отдѣлы изъ исторіи древней русской литературы не возможно, разъ является единодушнымъ требованіемъ внести историческое прохожденіе литературы. Въ сущности требованіе вычеркнуть изъ курса древней литературы ради новѣйшей въ научномъ отношеніи такой же non sens какъ, если бы изъ курса ботаники выкинуть изученіе рѣдьки ради ананаса; 2) многое зависитъ отъ того, какъ проходить предложенный курсъ. Сознательно преслѣдуя желаніе внести схематичность въ построеніе курса, составители программы вносили ради полноты картины многія имена и произведенія, на которыхъ ученикамъ останавливаться долго нѣтъ надобности: сжатая характеристика учебника, нѣсколько словъ учителя,—и этого достаточно. Лишь съ произведеніями наиболѣе важными желательно ознакомить учениковъ цѣликомъ, путемъ класснаго и домашняго чтенія или въ пересказахъ и выдержкахъ. Для этого, конечно, должны быть составлены соотвѣтствующія пособія.

3. *Записка члена ученаго комитета В. В. Сиповскаго по вопросу о введеніи въ курсъ исторіи русской словесности новѣйшей русской литературы.*

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось мнѣ заниматься изученіемъ новѣйшей русской литературы съ учениками старшаго возраста средне-учебнаго заведенія (Петровское коммерческое училище). Такимъ образомъ я имѣлъ возможность на практикѣ ознакомиться съ хорошими и дурными сторонами введенія въ курсъ средней школы новѣйшей русской литературы, какъ обязательнаго предмета. Не рѣшусь, конечно, утверждать, что за какіе-нибудь три года можно было всесторонне оцѣнить все значеніе такого курса, но, полагаю, тѣмъ не менѣе, что за мною есть нѣкоторый опытъ, котораго, повидимому, нѣтъ у большинства преподавателей русскаго языка и словесности, выразившихъ свое мнѣніе по поводу поставленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о томъ, желательно ли введеніе въ

курсъ гимназій и реальныхъ училищъ изученія новѣйшей литературы, и, если желательно, то въ какой мѣрѣ. Какъ извѣстно изъ присланныхъ мнѣній, вопросъ о желательности введенія новѣйшей русской литературы (а также и западно-европейской) рѣшенъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но въ рѣшеніи вопроса, въ какой мѣрѣ можетъ быть выполнена пробная программа министерства народнаго просвѣщенія, какія измѣненія (сокращенія и добавленія) должны быть въ ней сдѣланы, мнѣнія значительно разошлись. Знакомство съ этими мнѣніями и привело меня къ сознанію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они создались совершенно теоретическимъ путемъ,—въ нихъ не видно яснаго сознанія, что такое „исторія новѣйшей русской литературы“, какъ предметъ изученія въ средней школѣ, для многихъ остались неясными цѣли этого изученія, плохо выясненными средства и методы преподаванія. Многія педагогическія конференціи учебныхъ заведеній 14 округовъ, словно, старались превзойти одна другую въ знаніи именъ великихъ русскихъ писателей и вносили ихъ въ свои пробныя программы, не задумываясь надъ тѣмъ, какъ осуществить на практикѣ свои благія пожеланія. Вотъ это обстоятельство и заставляетъ меня высказать нѣсколько соображеній относительно поднятаго нынѣ министерствомъ весьма существеннаго вопроса, болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе котораго чревато послѣдствіями.

Къ несомнѣннымъ и ближайшимъ послѣдствіямъ изученія въ классѣ произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей надо отнести прежде всего то *оживленіе*, которое сразу овладѣваетъ классомъ съ того момента, когда раскрывается томикъ сочиненій Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Интересы учениковъ сразу выростаютъ, мысль ихъ сосредоточивается на каждомъ новомъ образѣ, каждой мысли автора; ученики разсѣянные замѣтно фиксируютъ свое вниманіе; лучшіе ученики волнуются,—по ихъ лицамъ, ихъ глазамъ видно, какъ въ нихъ разростаются новыя мысли, новые запросы... Ни Пушкинъ, ни Гоголь не задѣваютъ ихъ вниманія въ такой мѣрѣ. Это оживленіе, по моимъ наблюденіямъ, иногда не замираетъ даже послѣ урока, когда группы учениковъ (разумѣется, наиболѣе воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ) продолжаютъ споры, неконченные въ классѣ. Мнѣ приходилось наблюдать, какъ изъ этихъ группъ выдѣляются охотники расширять свои познанія въ интересующей ихъ области,—они обращались ко мнѣ съ просьбою устраивать съ этой цѣлью внѣклассныя вечернія бесѣды, гдѣ бы можно было читать рефераты по разнымъ

вопросамъ русской литературы и обмѣниваться взглядами. Такія бесѣды по вечерамъ устраивались подъ моимъ руководствомъ два года; къ нимъ участники относились съ необыкновенной страстью, и продолжались онѣ обыкновенно съ 8-ми часовъ до 11—12-ти.

Такимъ образомъ, все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что, съ расширеніемъ программы, русская словесность сдѣлается однимъ изъ самыхъ живыхъ, интересныхъ предметовъ и перетянетъ на свою сторону вниманіе многихъ учениковъ отъ другихъ предметовъ.

Эта тревога мысли и чувства, конечно, сама по себѣ можетъ повести къ хорошимъ и дурнымъ послѣдствіямъ,—все зависитъ отъ того направленія, которое будетъ дано умѣлымъ руководителемъ. Несомнѣнно одно: живой интересный предметъ подыметъ *интересъ* къ осмысленному чтенію, быть можетъ, пріучитъ уважать чужое мнѣніе, заставитъ внимательнѣе относиться къ своимъ собственнымъ заключеніямъ. Наконецъ, рефераты, споры, безъ сомнѣнія, разовьютъ у многихъ даръ слова, способность спорить и убѣждать.

Второе наблюденіе, сдѣланное мною, касается нравственнаго воздѣйствія новой литературы. Полная откровенность съ моей стороны и со стороны учениковъ позволила мнѣ встать въ такія отношенія съ классомъ, при которыхъ ясной сдѣлалась мнѣ внутренняя работа, происходившая въ нѣкоторыхъ юныхъ сердцахъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ идеями лучшихъ русскихъ писателей. Въ теченіе двухъ лѣтъ на моихъ глазахъ въ классѣ образовались двѣ группы учениковъ съ болѣе или менѣе прояснившимися міросозерцаніями: сторонники ученія Толстого, Достоевскаго о необходимости нравственнаго самосовершенствованія и сторонники обличительнаго направленія, которыхъ тянуло къ Некрасову, Бѣлинскому. Когда послѣ разбора „Войны и Мира“ я задалъ нѣсколько темъ для класснаго сочиненія, первые взяли тему: „Каратаевъ и Пьеръ Безухій“, а вторые: „Личность и исторія“, при чемъ идеи Толстого о незначительности роли личности подвергались критикѣ. У меня было нѣсколько выпусковъ, которые кончали курсъ училища безъ изученія новѣйшей русской литературы, тамъ такого дѣленія на группы не было. Такимъ образомъ, несомнѣнно, только изученіе новѣйшей русской литературы прояснило и заострило міросозерцаніе учениковъ. Особенно въ этомъ отношеніи разительно было впечатлѣніе отъ разбора романовъ „Преступленіе и Наказаніе“ и „Войны и Мира“; Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій въ такой мѣрѣ не задѣли никого. Изъ приведенныхъ фактовъ, несомнѣнно, явствуетъ,

что расширеніе программы русской словесности въ указанномъ направленіи имѣетъ громадное *воспитательное значеніе*. Она пріучаетъ внимательнѣе всматриваться въ жизнь своей и чужой души; она заставляетъ задумываться надъ вопросами такими, на которыхъ само по себѣ вниманіе юноши, быть можетъ, и не остановилось бы, если бы великій писатель не заставилъ это вниманіе остановиться. Я помню, какъ въ классѣ въ 35 человѣкъ съ болѣзненнымъ, скажу, благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушаны были и разобраны тѣ мѣста романа Достоевскаго, гдѣ выступалъ скорбный, блѣдный образъ Сонечки Мармеладовой. Съ такимъ же вниманіемъ, но не съ такимъ единодушнымъ сочувствіемъ выслушивался апоѳеозъ Каратаева и развѣнчиваніе „личности“ въ образѣ Наполеона.

Словомъ, повторяю, воспитательное значеніе новѣйшей русской литературы несомнѣнно. Но это обстоятельство и дѣлаетъ обращеніе съ нею въ классѣ страшно труднымъ, даже опаснымъ. Всѣ предметы, занятія, науки, идеи, чувства, которые имѣютъ, такъ называемое, „воспитательное“ значеніе,—оружіе обоюдоострое; при неумѣніи съ нимъ обращаться, легко прійти къ результатамъ совершенно обратнымъ: въ двухъ параллельныхъ классахъ, при различныхъ учителяхъ, впечатлѣнія отъ любого литературнаго произведенія могутъ быть діаметрально противоположны. Раскольниковъ въ одномъ классѣ, можетъ быть, предстанетъ, какъ преступникъ, искупившій вину наказаніемъ; въ другомъ, какъ сверхчеловѣкъ, дрогнувшій на минуту и испортившій все свое дѣло!

Вотъ почему, я полагалъ бы, что прежде, чѣмъ вписывать въ §§ программы имена русскихъ писателей, необходимо ученому комитету и министерству ясно опредѣлить, въ какомъ направленіи должно идти это воспитательное воздѣйствіе русской литературы и, соотвѣтственно этому, выбирать произведенія. Этой сознательности „направленія“ нѣтъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя представлены изъ 14 округовъ въ ученый комитетъ, а безъ нея не будетъ въ программѣ ясности цѣли, не будетъ руководящей нити для преподавателей, не будетъ возможности контроля, не будетъ единства въ преподаваніи.

Но, конечно, ясность мысли, вложенной въ программу, не спасетъ дѣла, если у исполнителей ея,—„преподавателей“, не будетъ ясности и стойкости убѣжденій, не будетъ „проникновенности“ въ трудность, отвѣтственность и святость того новаго дѣла, которое, увы, тяжелымъ и новымъ бременемъ ляжетъ на ихъ плечи.

Что касается до того, какого направленія лучше всего придержи-

ваться при выборѣ произведеній, то я бы предложилъ внести въ программу тѣ, въ которыхъ проповѣдуется христіанская мораль, по скольку она нашла себѣ отраженіе въ міросозерцаніи лучшихъ людей древней Руси, въ лучшихъ людяхъ изъ народа и въ убѣжденіяхъ тѣхъ великихъ русскихъ писателей, которые сумѣли въ русской душѣ найти этотъ живой родникъ, очищающій душу Раскольникова, примиряющій съ людьми кн. Болконскаго, умиротворяющій гр. Безухаго, просвѣтляющій сердце Лизы Калитиной. Конечно, я внесъ бы въ программу тѣ произведенія, въ которыхъ это „христіанство“ русскаго человѣка сказывается въ гуманномъ отношеніи „нищимъ духомъ“ къ маленькимъ людямъ, „бѣднымъ“, „униженнымъ и оскорбленнымъ“.

Изъ произведеній „обличительной“ литературы я предложилъ бы взять лишь тѣ, которыя имѣютъ историческое значеніе, не затрагиваютъ еще не закрывшихся ранъ нашей жизни. Къ такимъ произведеніямъ надо отнести романъ Гончарова „Обломовъ“, сочиненія Островскаго и нѣкоторыя произведенія Некрасова (см. ниже перечень).

Я бы воздержался отъ включенія въ программу тѣхъ произведеній, въ которыхъ недостаточно ясна точка зрѣнія самого писателя на своихъ героевъ („Отцы и дѣти“, „Новь“, „Дымъ“, „Обрывъ“) или выражено слишкомъ много страсти („Бѣсы“).

Пробная программа, разосланная ученымъ комитетомъ въ прошломъ учебномъ году, преслѣдовала, главнымъ образомъ, цѣль дать историческую связь явленіямъ новѣйшей литературы съ новой (Пушкинъ и Гоголь). Такую точку зрѣнія, конечно, возможно и необходимо удержать въ той программѣ, которую предлагаю я. Для удобства и наглядности исторической связи въ этомъ случаѣ лучше всего распредѣлить литературный матеріалъ не по писателямъ, а по жанрамъ. Напримѣръ:

Писатели Пушкинскаго направленія.

Лирика—a) *представители чистаго искусства* (характерныя стихотворенія Майкова, Фета, А. Толстого, Полонскаго).

b) *Народники* (Некрасовъ, Никитинъ, А. Толстой, Кольцовъ).

c) *Философы* (Баратынскій, Тютчевъ).

Драматурги: А. Толстой („Донъ Жуанъ“, Трилогія). Островскій (историческія пьесы), Мей.

Романисты: Тургеневъ („Дворянское Гнѣздо“, „Рудинъ“).

Писатели Гоголевскаго направленія.

Драматурги: Островскій—„Гроза“, „Свои люди сочтемся“.

Романисты: Тургеневъ—„Записки охотника“, Гончаровъ—„Обломовъ“, Достоевскій—„Бѣдные люди“, „Униженные и оскорбленные“.

Писатели-моралисты.

Достоевскій—„Преступленіе и Наказаніе“.

Толстой — „Дѣтство и Отрочество“, „Война и Миръ“, „Смерть Ивана Ильича“.

„Писатели-моралисты“, повидимому, свободные отъ связей съ направленіями Пушкинскимъ и Гоголевскимъ, однако, найдутъ себѣ историческое освѣщеніе при сопоставленіи съ идеалами древней Руси, съ аскетическимъ міросозерцаніемъ ея, съ образами святыхъ изъ русскихъ и переводныхъ житій. Они найдутъ себѣ освѣщеніе въ міросозерцаніи Пушкина, по скольку оно выразилось въ его творчествѣ и жизни въ послѣдній періодъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ жизни Гоголя, въ его „Перепискѣ съ друзьями“.

Требованіе знакомить учениковъ съ русской критикой (Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ), требованіе, которое заявлено нѣкоторыми изъ подавшихъ свои мнѣнія черезъ округъ въ ученый комитетъ, я рѣшительно отказался бы вносить въ программы. Бѣлинскій не можетъ быть предметомъ изученія вслѣдствіе неустойчивости его взглядовъ (нѣсколько разъ кореннымъ образомъ мѣнялись его взгляды хотя бы на Пушкина), вслѣдствіе ошибочности нѣкоторыхъ его мнѣній, достаточно уже оцѣненныхъ научной критикой, наконецъ, даже вслѣдствіе недостаточности его знаній (народная поэзія, русская литература XVIII в. и западно-европейская). Какое значеніе для средней школы можетъ имѣть изученіе писателя, котораго на каждомъ шагу должно изобличать? Отдѣльныя вѣрныя характеристики, имъ сдѣланныя, мнѣнія и мысли по разнымъ вопросамъ русской литературы должны быть введены въ курсы попутно при прохожденіи Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и др. Писаревъ точно также неудобенъ въ средней школѣ по тѣмъ же соображеніямъ; отдѣльныя же мнѣнія его по поводу того или другого произведенія точно также могутъ быть введены въ курсъ. Изъ сочиненій Добролюбова я предложилъ бы внести въ курсъ знакомство съ его двумя статьями: „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. „Что такое обломовщина“. Обѣ статьи должны быть въ отрывкахъ прочтены и разобраны

при изученіи соотвѣтствующихъ сочиненій Островскаго и Гончарова („Гроза“ и „Обломовъ“). Такъ же попутно можетъ быть введено въ курсъ знакомство со взглядами Ап. Григорьева, Страхова и др.

Въ приведенную программу я включилъ лишь тѣ произведенія, которыя, на мой взглядъ, должны быть разобраны въ средней школѣ; но кромѣ этихъ *обязательныхъ* произведеній можно составить списокъ желательныхъ, которыя могли бы представить матеріалъ для необязательныхъ (вечернихъ или праздничныхъ) внѣклассныхъ бесѣдъ. Въ этотъ списокъ внесъ бы я всѣ произведенія Островскаго, всѣ произведенія Тургенева, нѣкоторыя произведенія Толстого („Юность“, „Анна Каренина“), Достоевскаго („Братья Карамазовы“, „Идіотъ“), Салтыкова („Господа Головлевы“). Предметомъ этихъ бесѣдъ могли бы служить также тѣ изъ произведеній западно-европейской литературы, которыя не нашли себѣ мѣста въ расширенной программѣ теоріи словесности.

Предлагаемая мною программа *обязательнаго* курса новѣйшей русской словесности, конечно, не есть программа *исторіи* этой литературы. Это—лишь разборъ наиболѣе крупныхъ произведеній, безъ пониманія которыхъ неприлично получить аттестатъ зрѣлости при окончаніи средней школы. „Non multa, sed multum“—это изреченіе должно быть выбрано девизомъ къ предлагаемому курсу. Лучше разобрать и изучить нѣсколько крупныхъ произведеній, чѣмъ заполнить курсъ десятками произведеній, знакомство съ которыми будетъ бѣглое, поверхностное, сведется къ пересказу содержанія, къ заучиванью чужихъ мнѣній, или критиковъ, или преподавателя или составителя учебниковъ.

Почти всѣ педагогическія конференціи высказываютъ пожеланія, чтобы въ новой программѣ министерство устранило эпизодическое знакомство съ отдѣльными произведеніями и ввело бы историческое изученіе русской литературы. Это пожеланіе основано на недоразумѣніи: исторіи новѣйшей русской литературы нѣтъ совершенно—наша *наука* кончается Пушкинымъ и Гоголемъ. Что послѣ нихъ, то не изучено, не выяснено, то еще не въ рукахъ ученыхъ, а критиковъ-публицистовъ и до сихъ поръ не вызвало ни одного ученаго изслѣдованія, которое бы давало какіе-нибудь общепринятые и общеобязательные выводы. Что же касается до литературы древней и новой, то, если здѣсь и возможно что-то, напоминающее исторію, то всякій призракъ ея исчезаетъ, когда сторонники „исторіи русской литературы“ энергично требуютъ сокращенія курса древней литера-

туры, уничтоженія курса юго-западной литературы XVII в., сокращенія литературы XVIII в. Мое личное мнѣніе, что исторія литературы, какъ наука, можетъ имѣть мѣсто только въ университетѣ. Только тамъ можетъ быть серьезно поставленъ вопросъ о развитіи литературныхъ видовъ, о взаимодѣйствіи культуры и литературы, о чуждыхъ вліяніяхъ. Если на исторію поэзіи смотрѣть, какъ на исторію развитія ея видовъ, то ради непрерываемости этого развитія придется въ звенья этой цѣпи вплетать произведенія, малозначительныя сами по себѣ. Чтобы, напримѣръ, показать у насъ исторію развитія ложноклассической драмы (зарожденіе, расцвѣтъ и вырожденіе), надо взять эту драму цѣликомъ,—тогда мы получимъ исторію псевдоклассической драмы. Пока такой постановки вопроса нѣтъ даже въ университетахъ,—и тамъ нѣтъ еще научнаго преподаванія исторіи, и тамъ еще есть только эпизодическое знакомство съ произведеніями Сумарокова, Княжнина, Озерова. Вотъ почему, если въ университетахъ исторія литературы русской еще дѣло будущаго, то говорить о такомъ курсѣ въ средней школѣ есть или самообманъ, или печальное заблужденіе. Итакъ, *исторія русской литературы не можетъ имѣть мѣсто въ средней школѣ*: нужно, чтобы молодой человѣкъ, оканчивающій курсъ средней школы, зналъ и понималъ, въ какомъ направленіи шло творчество древней Руси и новой Россіи; онъ долженъ прочувствовать это творчество, проникнуть духомъ въ тѣ міровоззрѣнія родного ему народа, которыя складывались вѣками. Такому пониманію древней и новой литературы должно способствовать историческое освѣщеніе тѣхъ характерныхъ произведеній, которыя войдутъ въ программу. Ученикъ долженъ ясно представить себѣ культурное состояніе той эпохи, которая выразилась созданіемъ этихъ произведеній. Онъ долженъ уяснить себѣ связь между нѣкоторыми произведеніями, и этого вполнѣ достаточно для средней школы. Такимъ образомъ, изученіе русской словесности, на мой взглядъ, должно остаться попрежнему эпизодическимъ, но въ это изученіе необходимо внести широкое историческое освѣщеніе. Тогда и предложенная мною программа изученія новѣйшей русской литературы по характеру тѣсно примкнетъ къ изученію литературы древней и новой.

Конечно, нельзя не согласиться, что при выборѣ произведеній для новой программы многое должно быть отброшено, какъ не имѣющее ничего общаго съ литературой (напр., переписка Грознаго съ Курбскимъ, Домострой и пр.).

Необходимо оставить всѣ тѣ произведенія и, кромѣ того, внести

такія, въ которыхъ есть зерна поэзіи, есть намекъ на эстетику, была и есть пища для народнаго творчества. Вотъ почему, напримѣръ, и проповѣди Иларіона и Кирилла Туровскаго, и житія, и легенды, особенно древнія повѣсти должны войти въ эту программу.

Изученіе народной поэзіи должно быть совершенно выброшено изъ курса историческаго, такъ какъ изученіе устнаго творчества никогда не было и не можетъ быть историческимъ. Вся народная поэзія вполнѣ умѣстится въ расширенной программѣ теоріи словесности (см. приложенную примѣрную программу).

Обращаюсь опять къ наиболѣе жгучему пункту новой программы—къ курсу новѣйшей литературы. Затрудненія, съ которыми на первыхъ порахъ встрѣтится преподаватель, слѣдующія: прежде всего, наши ученики не пріучены въ достаточной степени къ „чтенію“, медленному, вдумчивому, съ карандашомъ въ рукахъ, когда мысль читающаго цѣпляется иногда за одно, повидимому, незначительное слово автора, за намекъ на мимолетное сравненіе... На основаніи личнаго опыта я знаю, какъ трудно въ старшихъ классахъ пріучить къ такому чтенію, когда они не пріучены съ младшихъ классовъ къ обстоятельному критическому разбору крупныхъ *идейныхъ* произведеній. Вотъ почему уже съ среднихъ классовъ нужно пріучать учениковъ къ всестороннему детальному разбору не *отрывковъ* изъ хрестоматіи, отрывковъ, не дающихъ представленія объ *идеѣ* всего произведенія—а цѣлыхъ крупныхъ произведеній. Всего удобнѣе пріучать учениковъ къ критическому анализу на произведеніяхъ Гоголя, Пушкина и Лермонтова. Со своими учениками я подробно, останавливаясь по мѣсяцамъ, разбираю въ IV классѣ „Тараса Бульбу“ и „Капитанскую Дочку“, въ V классѣ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ“... и „Старосвѣтскіе помѣщики“. Въ VI классѣ—„Евгеній Онѣгинъ“, „Герой нашего времени“, „Мертвыя души“, „Шинель“, „Ревизоръ“. Въ результатѣ такого параллельнаго съ прохожденіемъ курса изученія лучшихъ произведеній новой литературы, я достигаю того, что знакомство съ Пушкинымъ и Гоголемъ дѣлается болѣе основательнымъ, и ученики пріучаются болѣе внимательно относиться къ чтенію.

Второе затрудненіе при прохожденіи курса новѣйшей литературы заключается въ томъ, что произведенія этой литературы не оцѣнены еще научной критикой, а потому совершенно ускользаютъ отъ той болѣе или менѣе спокойной оцѣнки, которая возможна уже для Пушкина и Гоголя. Вотъ почему я и предложилъ выше внести въ обяза-

тельную программу лишь тѣ произведенія, которыя не могутъ вызвать рѣзкой разноголосицы, какъ, напримѣръ, „Отцы и Дѣти“. Преподаватель, во всякомъ случаѣ, долженъ всегда имѣть въ виду, что возможны нѣсколько точекъ зрѣнія на то или другое произведеніе, онъ всегда долженъ ожидать возраженій со стороны какого-нибудь бойкаго ученика, наканунѣ прочитавшаго критическую статью, бьющую на оригинальность. Конечно, для борьбы съ такими неожиданностями необходимо, чтобы преподаватель былъ хорошо подготовленъ къ курсу, былъ бы начитанъ не только въ разбираемыхъ произведеніяхъ, но и въ обширной критической литературѣ. Онъ долженъ въ любой моментъ сумѣть оріентироваться въ деталяхъ, въ мелочахъ, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ своими юными слушателями. Во всякомъ случаѣ, чтобы избѣжать непріятнаго, непедагогическаго столкновеніе каѳедры со школьной скамьей, преподаватель долженъ помнить, что, пока новѣйшая русская литература не сдѣлалась предметомъ научнымъ,—*всѣ мнѣнія о ней одинаково справедливы*, во всякомъ случаѣ неоспоримы, такъ какъ коренятся на личныхъ убѣжденіяхъ. Спорить страстно съ ученикомъ, слишкомъ горячо опровергать мнѣніе критика, держащагося иного взгляда на то или другое произведеніе,—значитъ или порабощать себѣ убѣжденіе класса, или вооружать эти убѣжденія противъ себя. Споры о литературныхъ герояхъ поведутъ къ спорамъ объ убѣжденіяхъ, а имъ не мѣсто въ классѣ. Вотъ почему лучшимъ средствомъ предупредить непріятныя столкновенія убѣжденій—это обнаружить съ каѳедры широкую терпимость въ мнѣніяхъ, сразу допустить возможность нѣсколькихъ точекъ зрѣнія на поднятый вопросъ. Конечно, если отношенія класса къ преподавателямъ ровны и дружны, если преподаватель вооруженъ терпимостью къ чужому мнѣнію, тогда эти споры въ классѣ могутъ имѣть очень благотворное воздѣйствіе на юныя сердца. Во всякомъ случаѣ, я предпочелъ бы, чтобы столкновеніе мнѣній всегда прояснилось, хотя бы въ видѣ спора, такъ какъ гораздо хуже, если оно останется глухимъ, затаеннымъ: ученикъ изъ осторожности промолчитъ передъ учителемъ, останется при своихъ убѣжденіяхъ, быть можетъ, свои сомнѣнія онъ выскажетъ товарищамъ, тѣ примкнутъ къ этой тайной оппозиціи, и въ концѣ концовъ всѣ рѣчи преподавателя будутъ и впредь приниматься съ глухимъ недовѣріемъ. Въ результатѣ, въ такомъ классѣ преподаваніе литературы не будетъ имѣть никакого воспитательнаго значенія, а, напротивъ, будетъ дѣйствовать развращающе на классъ, усиливъ существующую рознь между каѳедрой и скамьей. Ученики

будутъ повторять то, что отъ нихъ требуется, но не будутъ вѣрить своимъ словамъ. Признаюсь, когда я приступалъ къ преподаванію новѣйшей литературы, я болѣе всего боялся „молчанія“ въ классѣ, а, съ другой стороны, мнѣ рисовалась не особенно пріятной перспектива выслушивать незрѣлыя опроверженія моихъ словъ какимъ-нибудь бойкимъ говоруномъ, класснымъ Демосѳеномъ. Какъ бы ни были хороши отношенія класса къ учителю, но впечатлѣніе отъ бойкихъ рѣчей товарища, „смѣющаго имѣть собственное мнѣніе“, всегда очень сильно; создается въ классѣ настроеніе, поддерживающее смѣльчака; классъ съ любопытствомъ ждетъ, какъ вывернется преподаватель, когда ему станутъ доказывать, что все, кажущееся ему „бѣлымъ“, есть „черное“. Единственный выходъ изъ такихъ затрудненій заключается, на мой взглядъ, въ методѣ преподаванія новѣйшей литературы. Оно должно вестись не лекціоннымъ способомъ, чтобы не съ каѳедры ученики слышали опредѣленное безапелляціонное мнѣніе, а чтобы эти мнѣнія слагались у самихъ учениковъ, какъ результатъ классныхъ бесѣдъ. Надо, чтобы *ученики спорили не съ учителемъ, а другъ съ другомъ*; роль преподавателя—направлять споры къ опредѣленной ему необходимой цѣли. Въ заключительномъ словѣ онъ, *щадя юныя самолюбія*, резюмируетъ все сказанное и лишь тогда высказываетъ свое личное мнѣніе. При такомъ методѣ преподаванія будетъ развиваться самостоятельность мысли у учениковъ, и въ то же время авторитетъ преподавателя не будетъ страдать отъ этой самостоятельности. Въ воспитательномъ же отношеніи значеніе оппозиціи, которую встрѣтитъ „классный говорунъ“ въ средѣ своихъ товарищей, прямо громадно.

Конечно, такія „бесѣды“ не должны обращаться въ средство для развѣдыванія политическихъ убѣжденій ученика. Преподаватель, который воспользуется откровенностью ученика въ этомъ смыслѣ, навсегда погубитъ свое живое дѣло въ классѣ.

Необходимо помнить, что, если ученики средне-учебныхъ заведеній тронуты теперь политической пропагандой, то въ ихъ средѣ она не пустила еще такихъ глубокихъ корней, чтобы карать ихъ „за убѣжденія“. Многія страницы лучшихъ произведеній русской литературы вызовутъ въ классѣ живыя восклицанія, протесты и одобренія; толкованія учителя нѣкоторыми учениками могутъ быть встрѣчены иронической усмѣшкой или протестомъ,—все это неизбѣжно, но преподаватель, прочувствовавшій произведенія Толстого („Война и Миръ“) и Достоевскаго („Преступленіе и Наказаніе“), имѣетъ въ своихъ ру-

кахъ такое могучее оружіе, которымъ онъ безъ труда можетъ бороться съ какой-угодно пропагандой, и онъ долженъ бороться только этимъ оружіемъ. Помню, какъ однажды при разборѣ Раскольникова на моемъ урокѣ вдругъ произошелъ неожиданный инцидентъ: одинъ ученикъ, всегда скромный и тихій, выдержанный и спокойный, вдругъ съ горящими глазами, нервнымъ приподнятымъ голосомъ сталъ доказывать, что голодный имѣетъ нравственное право убить человѣка сытаго. Въ другой разъ возникъ вопросъ о политическихъ убійствахъ по поводу Пьера Безухаго, хотѣвшаго убить Наполеона. Въ обоихъ случаяхъ спорить было нетрудно, не выходя изъ предѣловъ того богатаго литературнаго матеріала, который собранъ въ романѣ Достоевскаго и Толстого. Я привелъ эти два случая, чтобы показать, какіе острые вопросы могутъ возникать въ классѣ по поводу произведеній новѣйшей литературы.

Вотъ почему опять невольно возвращаешься къ вопросу, подготовлены ли наши учителя къ отвѣтственной роли руководителей юношескихъ сердецъ?

Но введенія этой литературы въ курсъ средней школы желаетъ само министерство, желаютъ всѣ попечители округовъ, профессора университетовъ, почти всѣ преподаватели, желаетъ все общество, журналы и газеты... Остается думать, что это массовое единодушное стремленіе говоритъ о неизбѣжной необходимости расширить программу въ указанномъ смыслѣ; очевидно, всѣ надѣются справиться съ предстоящей трудной задачей. Шероховатости въ обиходѣ школы при введеніи новыхъ писателей, конечно, будутъ,—но приходится думать, что онѣ сгладятся со временемъ, и все войдетъ въ нормальную колею. Во всякомъ случаѣ, министерство должно предвидѣть всѣ возможныя неудобства и даже опасности этого нововведенія. Для этого, прежде всего, надо вооружить тѣхъ, кому придется на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть этого новшества: надо помочь гг. преподавателямъ, давъ имъ ясное указаніе, какія цѣли должны преслѣдовать они въ классѣ, какъ вести свое дѣло. На основаніи личнаго опыта я знаю, насколько тяжелъ трудъ преподавателя русской словесности: преподаватели другихъ предметовъ (языковъ и математики), имѣющіе дѣло съ ученическими письменными работами, не имѣютъ никакого представленія о томъ, что значитъ добросовѣстно поправить сочиненія 40 учениковъ въ классѣ: надо вдуматься въ планъ каждой работы, въ каждой надо уловить иногда серьезныя невыясненныя идеи автора, надо внести порядокъ въ ходъ его мышленія, выдѣлить

существенное, отодвинуть неважное, надо, наконецъ, исправить стиль, ошибки и пр. пр. Все это необходимо, чтобы сумѣть объяснить ученику его промахи. Теперь, когда мы вводимъ въ курсъ словесности еще новѣйшую литературу, когда мы желаемъ ввести еще западноевропейскую, когда мы говоримъ о внѣклассныхъ вечернихъ бесѣдахъ, мы *удесятеряемъ* тяжесть его труда. Вотъ почему, если поднять вопросъ объ увеличеніи содержанія учителей, то для преподавателя словесности окладъ жалованья долженъ быть, по крайней мѣрѣ, *удвоенъ* сравнительно съ окладомъ его товарищей. Наконецъ, еще немалое затрудненіе заключается въ трудности достать необходимыя сочиненія. Даже въ Петербургѣ иногда невозможно бываетъ въ городскихъ библіотекахъ по мѣсяцамъ достать необходимыя произведенія,— полагаю, что въ провинціи недостаточный ученикъ будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Пріобрѣтать всѣ сочиненія авторовъ, которые войдутъ въ будущую программу, значитъ истратить около ста рублей. Отдѣльныя изданія того или другого произведенія стоятъ недешево („Война и Миръ“—4 руб. 50 коп., „Преступленіе и Наказаніе“—2 руб.). Сочиненія Тургенева, Островскаго и Гончарова продаются только цѣликомъ. Хрестоматіи, въ которыхъ изъ огромнаго романа помѣщаютъ обыкновенно два-три отрывка, совершенно безполезны.

Въ томъ заведеніи, въ которомъ я состою преподавателемъ, библіотека очень богата; кромѣ фундаментальной есть общая и классная,—поэтому полныя собранія нѣкоторыхъ авторовъ имѣются въ 10 экземплярахъ, и все-таки приходилось по недѣлямъ откладывать классную бесѣду, такъ какъ не всѣ ученики могли къ сроку ознакомиться съ произведеніемъ, не будучи въ состояніи достать необходимую книгу. Вслѣдствіе этого, приходилось задавать большія произведенія мѣсяца на два, или на лѣто, а уроки промежуточные я заполнялъ класснымъ чтеніемъ произведеній небольшого объема и тутъ же въ классѣ разбиралъ съ учениками прочтенное, Такъ какъ за неподготовленный разборъ и за классную бесѣду ставить отмѣтки невозможно, то приходилось для ихъ провѣрки пользоваться письменными работами.

Такъ, напримѣръ, послѣ разбора романа „Обломовъ“ всѣ ученики представили домашнія сочиненія на пять темъ: „Содержаніе романа“, „Обломовъ“ (характеристика), „Ольга“, „Штольцъ“, „Что такое Обломовщина“. Подобнаго рода письменные итоги классныхъ бесѣдъ закрѣпляютъ въ памяти ученика все слышанное имъ и продуманное въ

классѣ. Они служатъ ученику прекраснымъ пособіемъ для повторенія передъ экзаменомъ, когда перечитывать сочиненія нѣтъ времени, да и достать ихъ трудно.

Въ добавленіе къ своей запискѣ привожу проектъ нѣкоторыхъ §§-овъ изъ подробной программы по новѣйшей исторіи русской литературы.

„Записки Охотника“ („Хорь и Калинычъ“, „Касьянъ съ Красивой Мечи“, „Малиновая вода“, „Льговъ“, „Бѣжинъ Лугъ“, „Бирюкъ“, „Бурмистръ“, „Живыя мощи“). Русскій крестьянинъ и помѣщикъ по „Запискамъ охотника“. Общественное и историко-литературное значеніе „Записокъ“. Русская критика о „Запискахъ“.

„Рудинъ“. Содержаніе романа. Характеристика Рудина и Наташи. Различные взгляды русской критики на этотъ романъ.

„Дворянское Гнѣздо“. Содержаніе романа. Характеристика Лаврецкаго и Лизы. Русская критика о романѣ.

„Война и Миръ“. Содержаніе романа. Характеристика главныхъ героевъ (П. Безухій, Болконскій, кн. Марія, Н. Ростовъ и Наташа). Народъ, какъ главный герой романа (представители народа—Кутузовъ и Каратаевъ). Философія народа по роману (фатализмъ и оптимизмъ). Хищные и смирные типы въ романѣ Толстого (славянофильская критика Ап. Григорьева и Страхова)—Кутузовъ и Наполеонъ—представители этихъ типовъ. Идея романа „Война и Миръ“. Взглядъ гр. Толстого на исторію. Русская критика о романѣ.

4. *Программа курса русской словесности* (IV—VIII классы).

I.

Курсъ IV класса.

Элементарныя свѣдѣнія о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній.

1. Основныя понятія теоріи сочиненія. Предметъ сочиненія. Тема и заглавіе. Идея. Содержаніе, планъ и изложеніе.

2. Понятіе о литературномъ стилѣ, какъ внѣшней сторонѣ словесныхъ произведеній. Общія свойства стиля и особенности стиля въ зависимости отъ предмета и характера сочиненія, а также личности и цѣлей автора.

3. Главнѣйшіе тропы и фигуры.

4. Строеніе рѣчи. Рѣчь устная и книжная, періодическая и отрывистая.

5. Формы изложенія: монологическая, діалогическая и эпистолярная.

6. Различіе между прозой и поэзіей на параллельныхъ примѣрахъ.

7. Понятіе о повѣствованіи, описаніи и разсужденіи (съ указаніемъ на ораторскую рѣчь), какъ типахъ и элементахъ сочиненія.

8. Дѣленіе русской стихотворной строки. Стопа, риѳма и строфа.

9. Эмпирическое понятіе объ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

10. Практическое ознакомленіе съ нѣкоторыми видами стихотвореній и произведеній художественной прозы (басня, элегія, баллада, новелла, романъ, сказка).

Объяснительная записка.

Пріуроченіе элементарныхъ свѣдѣній по теоріи словесности къ курсу IV класса, гдѣ имъ посвящается два часа въ недѣлю, обусловлено слѣдующими соображеніями.

1. Затруднительно приступать съ учениками къ историческому обзору, а тѣмъ болѣе детальному разсмотрѣнію литературныхъ произведеній въ V классѣ, если ученики предварительно не были нѣсколько ознакомлены съ элементами ученія о сочиненіи и слогѣ и не имѣли хотя бы эмпирическаго понятія о поэзіи и ея свойствахъ.

2. Для сознательнаго отношенія къ работѣ надъ сочиненіемъ необходимо также понимать хотя бы основы искусства ихъ составленія, къ каковымъ мы причисляемъ, прежде всего, требованіе отъ сочиненія содержательности, отъ изложенія раздѣльности и нѣкоторой систематичности, отъ слога правильности и ясности: Чтобы требованіе это не казалось ученикамъ апріорнымъ и насильственнымъ, учитель долженъ обосновать его на разборѣ образцовыхъ сочиненій и выводѣ изъ нихъ нѣкоторыхъ доступныхъ ученикамъ теоретическихъ положеній.

3. За первые три года класснаго обученія въ средней школѣ изъ прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ литературныхъ произведеній и выученныхъ стихотвореній у учениковъ, перешедшихъ въ 4-й классъ, накопляется довольно значительный литературный матеріалъ (разсказы Тургенева, отрывки изъ сочиненій Пушкина, С. Аксакова, Гончарова, стихотворенія Пушкина, басни Крылова и т. д.), который и долженъ быть использованъ для выясненія элементарныхъ теоретическихъ по-

нятій о литературѣ, и въ частности, объ изобразительныхъ свойствахъ русскаго языка и русскомъ стихѣ. То, что и теперь дѣлается мимоходомъ всѣми учителями русскаго языка въ младшихъ классахъ при чтеніи съ учениками христоматіи, по нашей программѣ IV класса, сводится и нѣсколько систематизируется: курсъ, такимъ образомъ, мало измѣняетъ существующій порядокъ преподаванія, такъ какъ онъ непосредственно вытекаетъ изъ объяснительнаго чтенія, пересказа и декламаціи литературныхъ образцовъ, которыми занимаются ученики въ трехъ младшихъ классахъ и продолжаютъ заниматься въ четвертомъ.

Въ проектированной программѣ намѣчены только тѣ пункты, вокругъ которыхъ всего естественнѣе, повидимому, группировать имѣющійся въ распоряженіи учениковъ литературный матеріалъ. Никакому преподавателю, конечно, не придетъ въ голову забивать въ этихъ видахъ головы дѣтей теоретическими положеніями, которыя еще не могутъ быть усвоены учениками даже эмпирически. Съ другой стороны, если термины—поэзія, проза, лирика, баллада, повѣсть и т. п. и не могутъ быть выяснены ученикамъ IV класса ни психологически, ни историко-генетически, то это нисколько не мѣшаетъ учителю закрѣпить при ихъ помощи тѣ группы ученическихъ представленій, которыя могутъ быть имъ выдѣлены изъ накопленнаго въ ученическомъ обиходѣ литературнаго матеріала.

Иногда высказывается опасеніе, что слишкомъ раннее приложеніе теоретическихъ требованій и схемъ къ изложенію мыслей грозитъ дать въ ученическомъ сознаніи перевѣсъ элементу формальному надъ реальнымъ: дѣти будутъ пріучаться смотрѣть болѣе на свойства изложенія, чѣмъ на дѣльность самыхъ мыслей, а это отразится на ихъ сочиненіяхъ и впослѣдствіи.

Такое опасеніе можетъ разсѣяться не тѣмъ или инымъ построеніемъ учебной программы, а лишь улучшеніемъ метода преподаванія. Отъ сознательности работы преподавателя и его искусства зависитъ оживлять и умѣрять формальный моментъ преподаванія.

Но ученическое сочиненіе на первыхъ порахъ не можетъ, конечно, не быть формальнымъ (переложеніе, составленіе или выдѣленіе плана, заполненіе схемъ плана на основаніи даннаго литературнаго произведенія). Едва ли только надо особенно бояться нѣкотораго формализма русскаго сочиненія учениковъ въ его первой стадіи, да и позже: слѣдуетъ помнить, что ученическія сочиненія въ гимназіи служатъ вовсе не къ тому, чтобы готовить писателей, а лишь къ

тому, чтобы научить правильному изложенію мыслей на письмѣ, т. е. въ формѣ законченной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, войди сочиненіе нормальнымъ элементомъ въ составъ каждаго учебнаго курса,— на урокахъ русскаго языка учителямъ можно бы было и нѣсколько расширить рамки сочиненія, но при теперешней постановкѣ дѣла, когда русскій языкъ, какъ учебный предметъ, обслуживаетъ другіе,— вниманіе преподавателя должно останавливаться особенно на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, на формальномъ моментѣ сочиненія. Не надо забывать и того, что съ ослабленіемъ преподаванія древнихъ языковъ и введеніемъ натуральнаго метода въ обученіе французскому и нѣмецкому языку въ младшихъ классахъ, какому же предмету, какъ не тому же русскому языку, пополнять являющіеся въ результатѣ измѣненія курса недочеты въ формальномъ развитіи учениковъ?

II.

Курсъ V класса.

Народная словесность.

Обрядовыя пѣсни. Природа, какъ основа народной поэзіи. Языческій и христіанскій календари.

Коляда (обряды и пѣсни). Исторія этого праздника. Встрѣча весны. Великъ день. Радуница. Красная горка. Егорьевъ день.

Хороводы и хороводныя пѣсни. Русальная „зеленая“ недѣля. Семикъ. Купала.

Свадебная „игра“. Содержаніе игры и пѣсни, поющіяся во время обряда. Похоронные обряды и причитанія.

Заговоры. Ихъ значеніе и исторія.

Былевая поэзія. „Былина“ — „старина“, „богатырь“ — „храбръ“. Исторія былины (ея созданіе и судьбы).

Кіевскіе богатыри (былины героическія и бытовыя—былины объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ).

Новгородскіе богатыри (Садко, Василій Буслаевичъ).

Старшіе богатыри (Вольга, Микула Селяниновичъ, Святогоръ).

Литературныя обработки „былины“ въ русской литературѣ XVIII—XIX в.

Историческія пѣсни. Пѣсни татарскаго періода. Пѣсни о Грозномъ. Южнорусскія думы. Пѣсни о Петрѣ Великомъ.

Бытовыя пѣсни. Ихъ содержаніе и мотивы (пѣсни о „добромъ молодцѣ“, „дѣвушкѣ“, о „замужествѣ“, „любви“). Пѣсня народная искусственная въ русской литературѣ XVIII—XIX в.

Современная народная пѣсня („частушка“). Идейное содержаніе новой пѣсни (вопросы семейныхъ отношеній, „любовь“, „общество“ и его „судъ“, „бракъ“, „деревня“).

Пословицы, какъ матеріалъ для характеристики народнаго міросозерцанія. (Пословицы миѳическія, христіанскія, историческія, бытовыя, философскія и сатирическія). Юридическое значеніе пословицъ. Поговорки и присловья.

Загадки. Ихъ значеніе и исторія.

Сказки. Сказки животнаго эпоса. Сказки бытовыя, философскія, сатирическія и юмористическія. Происхожденіе сказокъ. Литературная судьба ихъ. Сказка искусственная въ русской литературѣ XVIII—XIX столѣтія.

III.

Историческій курсъ словесности.

I. Періодъ Кіевскій (до XIII вѣка).

Состояніе культуры Кіевской Руси. Крещеніе Руси и возникновеніе письменности. Вліяніе Византіи и южныхъ славянъ.

а. *Переводная письменность*, заимствованная у южныхъ славянъ.

α) *церковная.* Переводы св. Писанія. Житія святыхъ (Кипріана и Іустины*[1]). Житіе Андрея Юродиваго*. Изъ житія Василія Кесарійскаго). Патерики. Проповѣди (Іоаннъ Златоустъ. Ефремъ Сиринъ. Григорій Богословъ). Шестодневъ Іоанна Экзарха. Іоаннъ Дамаскинъ. Церковная поэзія. Сборники (Святославовъ Изборникъ).

β) *полуцерковная.* Апокрифы, ихъ художественное значеніе для искусства и поэзіи. Ветхозавѣтные апокрифы (повѣсть о Китоврасѣ *. „Суды Соломона“ *). Новозавѣтные апокрифы („Хожденіе Богородицы по мукамъ“ *). Палея Историческая и Толковая.

γ) *свѣтская.* Историческія сочиненія (хроники, хронографы). Повѣсти („Александрія“, „Дѣяніе Девгенія“ *, „Сказаніе о премудромъ Акирѣ“ *, „О Вавилонскомъ царствѣ“ *, „Житіе Варлаама и Іоасафа“ *).

---

[1]) Произведенія, отмѣченныя *, рекомендуется читать (въ классѣ или дома) цѣликомъ, или въ отрывкахъ, смотря по желанію гг. преподавателей; остальныя произведенія могутъ быть изучены учениками по пересказамъ учебниковъ.

b) *Подражательная письменность.*

α) *церковная.* Житія русскихъ святыхъ („Житіе Ѳеодосія Печерскаго“ *, „Житіе Бориса и Глѣба“). Кіево-Печерскій Патерикъ. Проповѣди (Иларіона *, Кирилла Туровскаго *). Хожденіе игумена Даніила *.

β) *свѣтская.* Лѣтопись*. Слово о Полку Игоревѣ *.

II. Періодъ переходный (отъ Кіева къ Москвѣ—XIII—XV вв.).

Перенесеніе центра государственной жизни на сѣверо-восточную окраину. Особенности возникшей тамъ новой культуры. Новыя заимствованія у сербовъ и болгаръ въ XIV—XVI вв. (Киприанъ, Цамблакъ).

Судьбы народной поэзіи и письменности:

α) *церковной.* Житія сѣверо-восточныхъ святыхъ (Св. Александра Невскаго *. Св. Сергія Радонежскаго *).

β) *полуцерковной.* Популярность апокрифовъ. Русскія легенды („Житіе св. Меркурія“ *, „Житіе Петра царевича Ордынскаго“ *, „Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ“ *). Легенды-сказки („О Ноѣ и Евѣ“, „Бѣдная вдова“ *, „Хожденіе въ адъ и рай“ *). Духовные стихи („Стихъ объ Егоріи Храбромъ“ *, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ *, „О Вознесеніи Христа“ *, „Стихи объ Іоасафѣ“ *).

γ) *свѣтской.* Судьбы лѣтописи (мѣстныя лѣтописи: московскія, новгородскія, ихъ характеристика). Историческія повѣсти („О прихожденіи Тохматыша“ *). Проповѣди (Серапіонъ и др.). „Слово о погибели земли Русской“. Слово Даніила Заточника*. Повѣсти, посвященныя Куликовской битвѣ („Задонщина“ *, „Повѣданіе“).

III. Періодъ Московскій (XV—XVII вв.).

Паденіе Царьграда. Флорентійская Унія. Идеалы Московской Руси („Домострой“, „Переписка Грознаго съ Курбскимъ“). Максимъ Грекъ. Исправленіе книгъ. Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій. Отраженіе новой культуры на народной поэзіи и письменности. „Четьи-Минеи“, „Стоглавъ“. Повѣсти историческія („О паденіи Пскова“), политическія („Сказаніе о князѣхъ владимірскихъ“ *, „Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“ *). Повѣсть полуцерковная („Іулиніанія Лазаревская“ *). Авантюрные романы въ ранней русской передѣлкѣ („Сказаніе объ Ерусланѣ Лазаревичѣ“ * и „Сказка о Бовѣ Королевичѣ“ *).

IV. Умственный и нравственный переломъ Московской Руси (XVII в.).

Движенія въ области мысли религіозной, политической и эстетической. Побѣда идеаловъ земной жизни надъ идеалами аскетическими и въ связи съ этимъ возникновеніе реалистической литературы.

Сатирическая повѣсть („Шемякинъ Судъ“ *, „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“ *). Скоморошество.

Реалистическая повѣсть. „Повѣсть о Горѣ Злосчастьи“ *, „Савва Грудцынъ“ *, „Фролъ Скобѣевъ“ *.

1. *Югозападно-русская литература XVII в.* Историко-культурныя основанія возникновенія этой литературы и характеръ ея. Кіевская Академія и значеніе ея для русской литературы. Русская проповѣдь этого періода (Лазарь Барановичъ, Іоанникій Голятовскій). Лирика. Драма (Алексѣй, человѣкъ Божій). Теорія словесности.

Авантюрные романы (съ польскаго): „Тристанъ“, „Ланжелоттъ“, „Повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключей“, „Повѣсть о Брунцвикѣ“, „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“.

Нравоучительныя повѣсти: „Римскія Дѣянія“ („Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ“ *, „Житіе св. Евстафія Плакиды“ *), „Великое Зерцало“.

Смѣхотворныя повѣсти („Фацеціи“). Лубочныя картины.

2. *Московская Русь наканунѣ Петра.* Западныя вліянія (чрезъ посредство юго-западной Руси) на жизнь и литературу. Культурное содержаніе Московской жизни этой эпохи:

a) *исправленіе стараго*; b) *пополненіе жизни новымъ содержаніемъ*. Переводная литература въ Москвѣ (научная, историческая и беллетристическая). Лирика (Симеонъ Полоцкій). Драма („Блудный сынъ“ Симеона Полоцкаго). Театръ Грегори.

Подробный разборъ въ классѣ повѣстей Пушкина: „Дубровскій“, „Станціонный Смотритель“; Гоголя: „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иванъ Никифоровичемъ“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Шинель“; С. Аксакова: „Дѣтскіе годы Багрова внука“; Л. Толстого: „Севастопольскіе разсказы“.

Курсъ VI класса.

V. Петровскій (Петербургскій) періодъ русской литературы.

Культурное содержаніе русской жизни въ петровскую эпоху. Передовые дѣятели этой эпохи (Ѳ. Прокоповичъ, Посошковъ и Татищевъ). Переводная литература. Лирика петровской эпохи (Ѳ. Прокоповичъ). Любовныя пѣсни. Театръ Натальи Алексѣевны. Русская повѣсть („Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи“ *. „Исторія объ Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ“). Драма (трагедо-комедія Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“).

Псевдоклассицизмъ, его исторія и сущность (взгляды на поэзію Аристотеля, Горація и Буало).

a) Псевдоклассическая *сатира* (Горацій, Ювеналъ, Буало). Кантемиръ, какъ псевдоклассикъ. Содержаніе его сатиръ. Типы и характеры, имъ выведенные. Реализмъ въ его сатирахъ. Ихъ литературная исторія.

b) Псевдоклассическая *ода* (ода въ древней Греціи, во Франціи и Германіи XVII в.). Ломоносовъ, какъ псевдоклассикъ - одописецъ. Жизнь и личность Ломоносова. Первый періодъ его творчества и его особенности. Второй періодъ (съ восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы). „Ода на день восшествія Императрицы Елизаветы“*. Природа въ поэзіи Ломоносова. Пафосъ его настроеній. Постепенное освобожденіе отъ псевдоклассицизма. Ломоносовъ, какъ сочинитель духовныхъ одъ („Утреннее и вечернее размышленіе“*, переложеніе псалмовъ). Сумароковъ, какъ сочинитель одъ (оды торжественныя, „Разныя оды“*, „Вздорныя оды“*).

c) Псевдоклассическая *драма* во Франціи XVII в. и въ Западной Европѣ (Корнель и Расинъ, ихъ отношеніе къ античной трагедіи. Мольеръ и его отношеніе къ древней комедіи). Сумароковъ, какъ сочинитель трагедій („Хоревъ“*, „Гамлетъ“), какъ сочинитель комедій („Лихоимецъ“*, „Опекунъ“).

d) Псевдоклассическая *теорія словесности*. Тредіаковскій, его труды въ этой области.

Переводный романъ этой эпохи. Лесажа: „Жилблазъ“, Фенелона: „Похожденія Телемака“, Прево: „Приключенія маркиза Г*“.

Журналистика. „Вѣдомости“ при Петрѣ. Первые журналы при Елизаветѣ („Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служа-

щія“). Журналъ Сумарокова „Трудолюбивая пчела“. Русское общество Елизаветинской эпохи. Императрица Елизавета — предшественница Императрицы Екатерины.

VI. Екатерининскій періодъ русской литературы.

Императрица Екатерина, ея личность и значеніе ея въ исторіи русскаго общества и въ исторіи русской литературы. Пробужденіе самодѣятельности въ русскомъ обществѣ (Новиковъ, Радищевъ, кн. Щербатовъ и Болтинъ, какъ выразители русскаго самосознанія). Вольтерьянство и масонство.

A. *Судьбы псевдоклассицизма въ русской литературѣ этой эпохи.*

a) *лирика.* Херасковъ. Содержаніе и настроенія его лирики. Державинъ, какъ отраженіе русскаго общества этой эпохи, какъ пѣвецъ „Фелицы“. Политическіе мотивы его поэзіи. Философское его міросозерцаніе (оды „Фелица“*, „Вельможа“*, „Водопадъ“*, „Богъ“*, „На смерть кн. Мещерскаго“*). Мелкія лирическія произведенія.

b) *Эпопея* въ Западной Европѣ и у насъ. „Россіада“* и „Владиміръ“ Хераскова. Шутливая эпопея „Душенька“ Богдановича.

c) *Драма.* Княжнинъ, какъ сочинитель трагедій и комедій. Императрица Екатерина, ея трагедіи (подражаніе Шекспиру). Крыловъ, его жизнь и творчество (трагедіи и комедіи).

B. *Реалистическое направленіе въ русской литературѣ Екатерининскаго періода.*

a) *Сатирическіе журналы* этой эпохи. Императрица Екатерина („Всякая Всячина“), Новиковъ („Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“). Крыловъ („Почта духовъ“, „Зритель“).

b) *бытовая комедія.* Императрица Екатерина („Именины г-жи Ворчалкиной“, „О время“*). Фонвизинъ, его жизнь и творчество („Бригадиръ“, „Недоросль“*).

C. *Сентиментально-реалистическое направленіе.*

Поэзія „свободнаго чувства“ въ англійской и нѣмецкой литературѣ XVIII в. „Слезная драма“. Лирика „прекраснодушія“ въ Германіи. Семейный англійскій романъ (Стернъ, Ричардсонъ, Руссо, Гете). Фильдингъ, какъ представитель художественнаго реализма.

a) *Лирика.* Карамзинъ, его личность и творчество. Особенности его лирики.

b) *Драма.* Первые опыты слезной драмы у насъ (Херасковъ, Веревкинъ, Карамзинъ).

c) *Повѣсть.* Комаровъ („Несчастный Никаноръ"*), Чулковъ („Горькая участь"*), Карамзинъ („Письма русскаго путешественника"*, „Бѣдная Лиза"*, „Наталья боярская дочь"*, „Флоръ Силинъ"*), А. Измайловъ („Евгеній"*).

d) *Журналистика.* „Дѣтское Чтеніе", „Московскій Журналъ".

D. *Народническое направленіе въ литературѣ этого періода.* (Собираніе пѣсенъ и сказокъ).

a) *Лирика.* Подражаніе народной пѣснѣ (Богдановичъ, И. Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій).

b) *Эпопея.* Подражаніе народной былинѣ. Карамзинъ („Илья Муромецъ"), Львовъ („Добрыня"), Радищевъ („Сказка о Бовѣ"), В. Майковъ („Елисей").

c) *Романъ:* 1) сложившійся изъ переработки былины. Чулковъ („Русскія Сказки"); 2) народный романъ („Жизнь и похожденія Ваньки Каина").

d) *Драма.* Комическая опера. Аблесимовъ („Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ"*), Княжнинъ („Несчастье отъ кареты"*).

VII. Александровскій періодъ русской литературы.

Культурно-историческое содержаніе эпохи. Карамзинъ, какъ публицистъ („Вѣстникъ Европы", „Записка о древней и новой Россіи"), какъ историкъ („Исторія Государства Россійскаго"). Борьба Карамзинистовъ и Шишковистовъ („Арзамасъ" и „Бесѣда любителей русскаго слова", какъ представители двухъ направленій — умирающаго классицизма и развивающагося сентиментально-реалистическаго направленія).

A. *Сентиментально-реалистическое направленіе.*

Жуковскій, какъ представитель „поэзіи личнаго чувства". Его жизнь и вліяніе ея на творчество. Лирика Жуковскаго, ея мотивы („Мой другъ, хранитель ангелъ мой"*, „Море"*, „19 марта 1823 г."*, „Элегія на кончину королевы Вюртембергской"*). Баллады перевод-

ныя и оригинальныя („Людмила“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“*, „Теонъ и Эсхинъ“*, „Свѣтлана“*).

Второй періодъ его творчества; интересъ къ объективному творчеству (народный эпосъ разныхъ народовъ: „Ундина“* „Наль и Дамаянти“*, „Рустемъ и Зорабъ“*, „Одиссея“).

B. *Классическое направленіе.*

Батюшковъ, какъ представитель неоклассицизма. Его жизнь и творчество. Катенинъ, Мерзляковъ, Гнѣдичъ.

C. *Реалистическое направленіе.*

a. *сатира.* Крыловъ и его басни [1]), И. Дмитріевъ („Чужой толкъ“*).

b. *романъ.* Нарѣжный („Россійскій Жилблазъ“, „Бурсакъ“*).

c. *драма.* Шаховской и его комедіи. Грибоѣдовъ, его жизнь и творчество („Горе отъ ума“*).

D. *Народническое направленіе.*

Интересъ къ народной поэзіи въ началѣ XIX в. „Сборникъ Кирши Данилова“, появленіе въ печати „Слова о Полку Игоревѣ“. Собираніе народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

a. *лирика.* Подражаніе народной пѣснѣ (Мерзляковъ, Дельвигъ).

b. *сказки и былины* въ литературной обработкѣ.

Подробный разборъ въ классѣ романовъ Пушкина: „Евгеній Онѣгинъ“, Лермонтова: „Герой нашего времени“, Гоголя: „Ревизоръ“, „Мертвыя души“.

Курсъ VII класса.

А. С. Пушкинъ. Его литературная дѣятельность, какъ результатъ всѣхъ намѣченныхъ до него литературныхъ направленій (псевдоклассицизмъ и неоклассицизмъ, сентиментализмъ и реализмъ, народничество).

---

[1]) Наиболѣе характерныя басни должны быть прочитаны въ классѣ или дома. Выборъ басенъ предоставляется г. преподавателю.

Біографія поэта, поскольку она объясняетъ его личность и творчество.

Пушкинъ до Лицея. Родители его. Няня. Поэтическое и литературное воспитаніе его. Первые опыты [1]).

Пушкинъ въ Лицеѣ. Товарищи и учителя. Стихотворенія, посвященныя Лицею. Литературныя вліянія, имъ испытанныя (Батюшковъ, Жуковскій, Парни, Вольтеръ). Творчество поэта въ эту пору [1]).

Пушкинъ по окончаніи Лицея. Русское общество этой поры. Настроенія поэта. Произведенія, посвященныя этой порѣ [1]). „Русланъ и Людмила“*.

Пушкинъ на югѣ. Поэзія міровой скорби (Шатобріанъ и Байронъ). Настроенія поэта и отраженія ихъ въ его поэзіи. Поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“*, „Евгеній Онѣгинъ“*. Стихотворенія, посвященныя жизни въ Крыму и на Кавказѣ [1]).

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Увлеченіе Шекспиромъ и народной поэзіей. „Онѣгинъ“*, „Цыгане“*, „Борисъ Годуновъ“*. Стихотворенія, посвященныя жизни въ селѣ Михайловскомъ [1]). Пушкинъ—поэтъ русской дѣйствительности.

Пушкинъ до женитьбы. Переломъ въ его міросозерцаніи. Творчество его въ этотъ періодъ. „Полтава“*, „Галубъ“*, „Путешествіе въ Арзерумъ“*, „Арапъ Петра Великаго“*, „Повѣсти Бѣлкина“*, „Драмы“*.

Послѣдній періодъ его жизни и творчества. Отношенія его къ женѣ. Міровоззрѣніе поэта на жизнь и человѣка. Научныя и журнальныя его работы. Сочиненія въ народномъ духѣ [1]). Патріотическія оды*, сказки*, „Русалка“*, „Дубровскій“*, „Пѣсни западныхъ славянъ“*, „Капитанская Дочка“*, „Мѣдный Всадникъ“*. Смерть Пушкина.

Значеніе его литературной дѣятельности, какъ завершившей всѣ направленія предшествовавшей русской литературы и намѣтившей содержаніе и направленія всей послѣдующей. Взглядъ Пушкина на поэзію.

Гоголь. Его литературная дѣятельность, какъ результатъ обличительно-реалистическаго направленія русской литературы XVIII — XIX вв., съ одной стороны—и пушкинскаго художественно-объективнаго реализма—съ другой. Отношеніе Гоголя къ Пушкину.

---

[1]) Выборъ стихотвореній предоставляется г. преподавателю; ученики должны ихъ прочесть.

Жизнь и творчество Гоголя. Жизнь въ семьѣ. Нѣжинская гимназія. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“*, „Миргородъ“*, „Старосвѣтскіе помѣщики“*, „Тарасъ Бульба“*, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“*.

Второй періодъ его дѣятельности. Міросозерцаніе Гоголя. „Портретъ“*, „Шинель“*, „Записки сумасшедшаго“*. Комедія „Ревизоръ“*, „Развязка Ревизора“*, „Разъѣздъ послѣ представленья“*.

Послѣдній періодъ. „Мертвыя Души“*, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями [1])“, „Авторская исповѣдь“*. Гоголь и Бѣлинскій, какъ представители двухъ различныхъ міросозерцаній. Отношенія Гоголя къ западникамъ и славянофиламъ.

VIII. Новѣйшая русская литература.

1. *Писатели Пушкинской школы.*

а) *Лирики*—α) *поэты „міровой скорби“*. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. Лирика („Ангелъ“ *, „И скучно и грустно“ *, „Отчего“*, „Благодарность“ *, „Плѣнный рыцарь“ *, „Тучи“ *, „Парусъ“ *, „Дума“ *, „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“ *, „Гляжу на будущность съ боязнью“ *, „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской“ *, „Дубовый листокъ оторвался“ *, „Молитва“ *, „Пророкъ“ *). Поэмы: („Измаилъ Бей“ *, „Хаджи Абрекъ“ *, „Бояринъ Орша“ *, „Демонъ“ *, „Мцыри“ *). Драма—„Маскарадъ“ *.

Баратынскій. Тютчевъ [2]).

β) *Поэты „чистаго искусства“*. Майковъ. Лирика („Октава“ *, „Искусство“ *, „Сонъ“ *, „Художникъ“ *, „Муза, богиня Олимпа“ *, „Панъ“ *, „Возвышенная мысль“ *). Поэмы („Три смерти“ *, „Клермонтскій соборъ“ *, „Дурочка“ *, „Поля“ *, „Бабушка и внучекъ“ *, „Легенда о Констанцкомъ соборѣ“ *). Драма—„Два міра“ *.

Фетъ. („Смерть“ *, „Я потрясенъ, когда кругомъ...“ *, „Поэтамъ“*, „Среди звѣздъ“ *, „Какая ночь“ *, „О какъ волнуюся я мыслію больною“ *, „Только въ мірѣ и есть“ *, „Сіяла ночь“ *.

Полонскій. Лирика („Мое сердце—родникъ“ *, „По торжищамъ влача“ *, „Двойникъ“ *, „Лѣсъ“ *, „Ночь“ *, „Колокольчикъ“ *). Поэмы („Бэда“ *, „Лебедь“ *, „Кузнечикъ Музыкантъ“ *).

---

[1]) Выборъ отрывка предоставляется г. преподавателю.

[2]) Выборъ стихотвореній предоставляется г. преподавателю. Можно ограничиться и простой характеристикой ихъ дѣятельности изъ учебника.

γ) *Поэты народники*: Лермонтовъ („Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ *).

Кольцовъ („Послѣдняя борьба*, „Пѣсня пахаря“*, „Урожай“ *, „Лѣсъ“ *, „Дума сокола“ *, „Косарь“ *).

Некрасовъ („Несжатая полоса“ *, „Внимая ужасамъ войны“ *, „Саша“ *, „Поэтъ и гражданинъ“ *, „Орина, мать солдатская“ *, „Морозъ, Красный Носъ“ *. Отрывки изъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ *; „Русскія Женщины“*, „Рыцарь на часъ“ *).

А. Толстой („Змѣй Тугаринъ“ *, „Илья Муромецъ“ *, „Садко“ *, „Василій Шибановъ“ *, „Сватовство“ *, „Грѣшница“*, „Іоаннъ Дамаскинъ“ *).

b) *драматурги*. А. Толстой („Донъ Жуанъ“ и трилогія „Смерть Іоанна Грознаго“, „Ѳедоръ Іоанновичъ“, „Царь Борисъ“).

Островскій („Снѣгурочка“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Василиса Мелентьева“).

Мей („Псковитянка“).

c) *романисты*. Лермонтовъ („Герой нашего времени“ *).

Тургеневъ. („Записки охотника“*, „Муму“*, „Дворянское Гнѣздо“*, „Рудинъ“ *).

2. *Писатели Гоголевскаго направленія.*

a) *драматурги*. Островскій („Гроза“.*, „Свои люди—сочтемся“ *, „Доходное мѣсто“).

b) *романисты*. Гончаровъ („Обломовъ“ *).

Достоевскій („Униженные и оскорбленные“ *, „Бѣдные люди“).

Курсъ VIII класса.

3. *Писатели-моралисты.*

Достоевскій: „Преступленіе и Наказаніе“ *.

Л. Толстой: „Дѣтство и Отрочество“ *, „Война и Миръ“ *.

IV.

Теорія поэзіи.

I. *Поэзія, какъ искусство.*

1. Отношеніе поэзіи къ другимъ формамъ художественной дѣятельности человѣка и ея мѣсто среди нихъ.

2. Свойства поэтическаго творенія, опредѣляемыя его матеріаломъ — словомъ: его символичность, типичность, интеллектуальность.

3. Эмоціональный и дидактическій элементъ поэзіи.

4. Основныя эстетическія понятія въ ихъ отношеніяхъ къ поэзіи: а) понятіе о прекрасномъ въ его объективномъ и субъективномъ моментѣ; б) понятія о возвышенномъ, трагическомъ и комическомъ; в) понятіе о юморѣ.

5. Общія свойства поэтическаго стиля: а) внутреннія (тропы и фигуры); б) внѣшнія (ритмичность, мелодичность, созвучность).

II. *Поэзія, какъ творчество.*

1. Психологическіе, расовые, природно-бытовые и соціальные факторы поэтическаго творчества.

2. Поэзія народная и личная.

3. Механизмъ творчества.

4. Авторъ и среда, его воспринимающая, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: традиція и подражаніе; критика и новизна; литературный вкусъ.

III. *Поэзія, какъ предметъ изученія.*

1. Аристотель, какъ создатель теоріи поэтическаго искусства.

2. Законодатели и систематики: Горацій, Скалигеръ, Корнель, Буало.

3. Лессингъ и Шиллеръ—теоретики.

4. Философское трактованіе и научное изслѣдованіе поэзіи.

IV. *Поэзія съ точки зрѣнія ея историко-генетическаго развитія.*

1. Синкретизмъ на первыхъ ступеняхъ жизни поэзіи: связь поэзіи съ культомъ; поэзія въ соединеніи съ танцемъ, мимикой и игрой.

2. Общее понятіе о поэтическихъ жанрахъ: ихъ первичная смѣшанность, выдѣленіе, развитіе, объединеніе, замираніе и возрожденіе.

3. Генезисъ поэтическихъ явленій.

Первая стадія.

Гимны Ведъ.

Вторая стадія.

а) Эпосъ. Его неповторимость. Эпосъ миѳическій и эпосъ героическій. Главныя черты эпическаго міросозерцанія и стиля у инду-

совъ, грековъ, германцевъ, славянъ и финновъ. Эпическіе пѣвцы и діаскевасты. Пѣсенные своды. Почва для возникновенія эпопеи. Сказка. Ея происхожденіе и связь съ миѳомъ. Международность сказочныхъ сюжетовъ. Сказки славянъ и германцевъ.

б) Возникновеніе и начальное развитіе лирическаго жанра и стиля. Лирика народная, ея связь съ молитвой и обрядомъ. Хоровая лирика грековъ.

в) Начатки драмы въ античномъ мірѣ.

Третья стадія.

А. *Эпическая поэзія.*

а) Героическія поэмы. Энеида. Пѣсня о Роландѣ. Слово о Полку Игоревѣ.

б) Божественная Комедія.

в) Попытки воскресить и обновить эпосъ.

Потерянный и Возвращенный рай Мильтона.

Классическая поэма у романскихъ народовъ и русскихъ.

Гёте—авторъ „Германа и Доротеи“ и „Рейнеке-Лисъ“.

Художественная сказка Пушкина.

г) Басня. Ея происхожденіе и исторія.

Б. *Личная лирика.*

Ея характеръ на греческой почвѣ. Религіозная лирика древнихъ евреевъ. Ранняя христіанская лирика. Лирика средневѣковая и эпохи Возрожденія. Классическая и романтическая лирика и ея главнѣйшія формы. Лирическія формы, существующія и въ современной поэзіи: Lied, сонетъ и лирическій монологъ. Понятіе о символизмѣ въ поэзіи. Стихотворенія въ прозѣ. Лирика, какъ элементъ сложныхъ литературныхъ произведеній.

В. *Поэмы Байрона,*

какъ особая литературная форма, и ихъ русскія отраженія. Гейне.

Г. *Драматическая поэзія.*

а) Происхожденіе трагедіи и комедіи, какъ стойкихъ поэтическихъ видовъ. Первоначальное развитіе ихъ у грековъ.

Античный театръ и его религіозно-государственное значеніе.

Трагедія Эсхила, Софокла и Еврипида. Комедія Аристофана. Дальнѣйшая судьба драматической поэзіи на эллинской почвѣ. Менандръ.

Всемірно-историческое значеніе греческой драмы.

б) Театръ у римлянъ. Его національный и подражательный элементъ. Трагедіи Сенеки. Римская комедія Теренція и Плавта и ея дальнѣйшее вліяніе.

в) Средневѣковая сцена.

г) Классическая драма.

Трагедіи Корнеля, Расина и Вольтера. Комедіи Мольера. Русскія отраженія классицизма въ драмѣ.

д) Романтическая драма въ Германіи (Лессингъ, Гёте, Шиллеръ) и во Франціи (Викторъ Гюго).

е) Англійская драма и всемірно-историческое значеніе Шекспира.

ж) Испанская драма и ея характеръ.

з) Современная драма характеровъ—историческая и бытовая (примѣры: „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“, „Гроза“). Понятіе о драмѣ настроеній (пьесы Метерлинка и Чехова).

Д. *Романъ.*

а) Его происхожденіе въ глубокой древности и исторія въ Греціи. Романъ византійскій.

б) Главнѣйшія стадіи развитія западно-европейскаго романа на континентѣ:

идеалистическій романъ: рыцарскій, героическій и пастораль (съ экскурсомъ объ идилліи):

реалистическій романъ: новелла Боккачьо, Рабле и Сервантесъ.

в) Англійскій романъ: Дефоэ, Ричардсонъ, Фильдингъ.

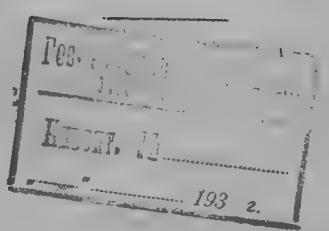
г) Романъ переходной эпохи: Эмиль, Руссо; Вертеръ, Гёте.

д) Романъ XIX вѣка на западѣ: Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и Теккерей. Бальзакъ и Флоберъ.

Примѣчаніе. Параллельно съ курсомъ теоріи поэзіи читаются и разбираются въ VIII классѣ поименованные выше романы гр. Л. Толстого и Достоевскаго.

Ученый комитетъ, обсудивъ въ засѣданіяхъ 28 марта, 4 и 11-го апрѣля с. г. докладъ комиссіи по вопросу о расширеніи курса русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ

программами этого курса, составленными комиссіею для IV—VIII классовъ гимназій, и объяснительными къ нимъ записками, *полагалъ*: предварительно какого-либо рѣшенія по существу вопроса, напечатать весь означенный матеріалъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и затѣмъ разослать оттиски профессорамъ и приватъ-доцентамъ университетовъ по каѳедрѣ русской словесности, равно какъ и въ редакціи педагогическихъ журналовъ, съ цѣлью вызвать критическія замѣчанія на предположенія комиссіи, которыя могли бы, по представленіи ихъ въ ученый комитетъ, быть приняты послѣднимъ во вниманіе при окончательномъ обсужденіи вопроса о расширеніи курса русской словесности въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія [1]).



[1]) Для достиженія этой цѣли было бы весьма желательно, чтобы авторы критическихъ замѣчаній присылали въ ученый комитетъ отдѣльные оттиски своихъ произведеній.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1905 г.